

The background of the cover is a dark, atmospheric painting. In the foreground, a young man with light, wavy hair is shown in profile, looking towards the right. He is dressed in a dark blue coat over a brown waistcoat and a white shirt with a dark bow tie. He holds a thick, old book in his hands. In the background, a tall, dark, shadowy figure wearing a top hat and a long coat stands in a doorway or a recessed part of a stone wall. The figure's eyes appear to glow with a faint blue light. The overall style is reminiscent of a classic oil painting with a gothic or horror theme.

Алёна Бернат

Книжная лавка

Куприна

Рукавишников

Вторая часть

18+

Алёна Берндт

**Книжная Лавъка Куприяна
Рукавишникова. Вторая часть**

«Автор»

2026

Берндт А.

Книжная Лавька Куприяна Рукавишникова. Вторая часть /
А. Берндт — «Автор», 2026

Молодой человек, выросший в семье опекунов, и считающий себя сиротой, готовится войти во взрослую жизнь... Приёмный отец и матушка готовы ему помочь во всём, но случается неожиданное - Куприян получает в наследство... книжную лавку! А доставшаяся ему Книжная Лавка не так проста... Невероятные приключения в мирах, перекрёстки которых открываются в Книжной Лавке, ведут Куприяна неведомыми дорогами, закаляют и открывают тайны мироздания. Какая из дорог приведёт Куприяна к той единственной, что предназначена ему судьбой?

Содержание

Глава 3.	11
Глава 4.	14
Глава 5.	17
Глава 6.	20
Глава 7.	23
Глава 8.	26
Глава 9.	29
Глава 10.	32
Глава 11.	35
Глава 12.	38
Глава 13.	41
Глава 14.	44
Глава 15.	47
Глава 16.	50
Глава 17.	53
Глава 18.	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Алёна Берндт

Книжная Лавька Куприяна Рукавишникова. Вторая часть

Глава 1.

Куприян стоял в Книжной Лавке, уперев руки в бока и по-хозяйски оглядывая полки. Товар теперь привозили чаще, торговые дела шли в гору, даже не шли, а бежали. Василий Крошенинников, принявший дела от отца, удалившегося на покой, вел дела Куприяна и с довольным видом докладывал, что капитал торговлей прирастает.

- На сиротский дом много уходит, который при церкви, - говорил Василий, просматривая аккуратные свои записи в книге с надписью «Книжная Лавька Рукавишникова К.Ф.», - Это уж твоё распоряжение, Куприян Федотыч, ежели велишь, можно и уменьшить траты...

- Нет, не нужно, - сказал тогда Куприян, - Нам хватает, даётся нам свыше благо, потому и от нас должно добро идти. К Рождеству на ёлку в сиротском доме положи побольше, и на одежду к зиме тоже.

Василий кивал и записывал волю Куприяна, давно оставив привычку спорить со своим доверителем, Куприян всё одно стоял на своём, на сирот и богадельню денег не жалел, и странным образом все эти траты после восполнялись. Вот уж воистину воздавалось Рукавишникову сторицей, думал Василий, и уже в который раз собирался последовать примеру Куприяна, да и пожертвовать большую сумму на сирот, но каждый раз ему что-то мешало это сделать... Да и жена говорила Василию, что своих ребятишек у него есть трое, вот про них и тужи, а сироты... Господь не оставит!

Ну а Куприян и сам не плошал, как говорится, потому молва о нём шла окрест, как о человеке умном, щедром, и благодетельном. Матушки Торжка, у кого дочери были на выданье, частенько прохаживались в Книжную Лавку, принарядив своих дочек и стараясь свести с Куприяном знакомство поближе. Сам же Куприян был со всеми приветлив, но отдельно никому не благоволил, что интерес матушек и их дочек ещё сильнее подогревало.

- Ну, товара много, к Рождеству достаточно всякого, - оглядев полки, заявил Куприян Ермилу, который на стойке пересчитывал конверты, - Могу теперь и отлучиться.

- Что бы ты там ни замыслил, а я с тобой, - насупился Ермил, - Сидор Ильич справится, в помощь ему можно нанять булошника племяша, тот недавно с семинарии прибыл, и пока от скуки мается. К нам вот уж приходит сколько раз, так, посидеть да поговорить. Понравилось ему у нас, да и сам он парень сметливый, приветливый. Думаю, сладится у него такое дело. Что скажешь, Куприян? Да, и куда же ты намереваешься отправиться на этот раз?

- В Киселёво хочу съездить, к батюшке и матушке. Уж сколь их не видал, а матушка пишет, Варварушка приболела, нянюшка моя. Хочу всех повидать. А что до булошника племяша, так ты его позови, поговорю с ним, жалованьем не обижу, если пожелает у нас поработать.

Булошников племяш оказался румяным, чуть полноватым безусым ещё парнишкой, с приятной добродушной улыбкой и носом в ярких конопушках. Пришёл он сразу, как только Ермил сходил к булочнику Никодимову и позвал. Оттирая со старенького сюртука муку, кули с которой он только что разгружал, парень с некоторым смущением вошёл в Книжную Лавку.

- Здравствуйте, Куприян Федотыч, - смяв в руке картуз, робко сказал парень.

- Здравствуйте, - ответил Куприян приветливо, - Входите. Как вас звать-величать?

- Павлом.

- А по батюшке как же?

- Семёнович я, да вы просто Павлом зовите. Ермил сказал, вы позвали поговорить...

Куприян не стал ходить вокруг да около, позвал и Сидора Ильича, на которого и намеревался оставить Лавку.

- Ну вот, Сидор Ильич, знакомься, это Павел Семёнович, нашего булочника, Ивана Тихоновича, родной племянник. Хочу его в помощники тебе взять, покуда сам с Ермилом в Киселёво поеду. Что скажешь?

- Ну а что говорить? Коли сам Павел Семёныч не прочь помогать, шустрый да сметливый, я только тому и рад, - степенно ответил Сидор Ильич.

Ударили по рукам, когда Куприян назвал новому помощнику сумму жалования, глаза у Павла повеселели. Мать у него рано овдовела, Павел старший из троих-то детей, тяжело пришлось без кормильца. Ну вот, хоть дядька родной, Иван Никодимов, племяшей не оставил, призрел маленько братовых-то ребятишек. Отправил Павла в семинарию, да и младших не оставлял, но уж Павлу и самому охота было матери с младшими помогать. Теперь вот получит от Куприяна Рукавишникова жалованье, купят они в семью зерна на зиму, да прочего запаса. Потому и радовался Павел, уже и завтра придёт учиться, что да как помогать в Книжной Лавке.

С помощником сладилось хорошо, радовался Куприян, и отправился на базар на повозке, Тихон Каштана запряг для этого. Собирался Куприян купить подарки семье и сродникам Сидора Ильича, которым он просил передать от него гостинцы с оказией. Базар хороший был в этот год, и продавали много, и покупателей было довольно, Куприян уже накупил платков нянюшкам, и для матушки розовую воду и мятную настойку. Всё, что заказал Сидор Ильич тоже купил и теперь уже ходил по базару налегке, сложив всё в повозку, где подрёмывал на облучке ожидавший его Тихон. Можно уж и просто поглазеть, что продают, что покупают.

Осень уже заканчивалась, зима настала ранняя в этом году, хоть ещё и пригревало днём солнышко, а уже не топило снег, только искрами рассыпался по белому покрову солнечный белёсый свет. Куприян то и дело раскланивался с горожанами, и тут не остался он без внимания семейств, которые были не прочь породниться с Рукавишниковым.

- Доброго дня, Куприян Федотыч, - на пути его возникла одетая в соболью душегрею жена меховщика Поликарпова, Аграфена Порфирьевна, - Что же, вы сегодня без покупок? Или ничего не нашлось по вашему вкусу?

- Здравствуйте, Аграфена Порфирьевна, - поклонился Куприян, стараясь не глядеть на выглядывающую из-за плеча матушки дочку Аграфены, Катерину, - Да нет, что вы, базар нынче хороший, и я всё уже купил.

- А мы вот с Катюшей чуть припоздали сегодня к базару, только пришли. Катенька у нас зачиталась с утра, она очень любит книги! На днях мы всенепременно заглянем в вашу замечательную Лавку, я видела там прекрасный атлас, хочу купить супругу в подарок. Ну и конечно, Катюше новый роман!

- Всегда рад гостям, - снова поклонился Куприян, и хотел было добавить, что сам он будет в отлучке, но атласы и романы будет кому продавать.

И тут его за рукав ухватил усатый начальник городской Управы, Гудошников Афанасий Кузьмич.

- А, Куприян Федотыч, и ты здесь! Аграфена Порфирьевна, моё почтение вам, и дочке вашей! Я украду у вас молодца, по срочному делу, не обессудьте!

Аграфена Порфирьевна недовольно поджала губы, но делать нечего, кивнула Гудошникову, дескать, что уж... И стала глядеть, куда тот поведёт Куприяна, потому как и у самого-то Гудошникова две дочки на выданье имеются.

Но сам Гудошников по иной причине ухватил Куприяна, чем оказал ему своего рода услугу, о которой и не подозревал.

- Куприян Федотыч, ты не серчай, что я тебя вот так, - гудел своим басом Гудошников, полностью оправдывая фамилию, - Да только дело отлагательства не терпит, так сказать. Мы

тут с Устиновым, который держит оружейный магазин, затеваем охоту. Кружилина, Степашинных братьев, у которых артель, их позвали, ну вот и вас...

- Благодарю, Афанасий Кузьмич, весьма польщён вашим вниманием, но я убываю в поездку в скором времени, - отказался Куприян, - Когда вернусь, пока не знаю, намерен погостить у родителей, помочь чем, да и отдохнуть от дел.

- Что ж, жаль, жаль, - качал головой Гудошников, - Но это вы верно решили, санный путь уже встал, а морозы пока не так жмут, можно и в путь отправляться. Ну, как вернётесь, загляните ко мне, перед Рождеством собираем Попечительский городской совет, вы самый молодой член совета, без вас не начнём.

Куприян распрощался с Гудошниковым и решил, что пора и честь знать, а то этот поход на базар стал похож на что угодно, только не на выбор покупок! А про охоту... нет, не любит Куприян такое дело... Почему-то вспомнился Белый Волк, Ларион. Как он там, друг дорогой...

И тут Куприян вздрогнул. У самого выхода с базарной площади раздавался голос зазывалы, народ здесь толпился плотнее, но Куприян остановился... Этот голос он уже слышал, и знал, что предлагает толпе продавец, смешно, по-восточному, выговаривая слова.

«Соберись, честной народ! Коробейник идёт!
Несёт в коробке диво дивное, чудо чудное!
Зеркальца заморские, вещицы причудные!
В них увидите и лик свой пригожий,
И душу свою, что глубже, дороже!
Как древнее озеро, отражает зеркальце свет,
Тайны хранит, дарит мудрый совет!
Бери, не торгуйся, на коробейника посмотри,
Покажет зеркальце и то, что у тебя живёт внутри!»

Глава 2.

Куприян не забыл того, что в мореке видал, который ведьма Зиялат на него навела тогда. Именно у этого коробейника купил он тогда зеркальце! Был ли то морок, или просто увидел Куприян в тот момент своё будущее, поди разбери. Ни Ларион, ни после того и Ермил, никто не смог ответить Куприяну на такой вопрос или растолковать увиденное.

И вот стоял теперь тот самый торговец с лотком, заполненным сверкающим хрупким товаром, на базарной площади, его окружила толпа покупателей, наперебой предлагая цену. Только тубетейка мелькала меж пушистых шапок, тоже знакомая Куприяну.

Невысокий старичок в восточном халате, поверх которого теперь была надета овчинная безрукавка, разложил на своём зелёном лотке зеркала разного размера. Были здесь и круглые в деревянной рамке, с ручкой, и простые, обклеенные с обратной стороны бархатом или сукном.

Покупательницы окружили торговца, а он продолжал напевать свою песню, перемежая её непонятными для русского человека словами на ином языке. Куприян замер, не в силах идти дальше, и слушал лотошника, а сам всё вспоминал...

- Молодец, и ты купи зазнобе своей подарок, получишь за это поцелуй! – лотошник каким-то образом вдруг оказался прямо перед Куприяном, толпа покупательниц разошлась, некоторые стояли неподалёку с восхищением рассматривая свои покупки.

- Ну, какое выберешь? – спросил лотошник, и чёрные его глаза искрились весельем, - Недорого отдам! Вот, погляди какое! С жемчугом, такого нет ни у кого! Или вот это, с яхонтами! А? что выберешь?

Куприян смотрел на лоток, как зачарованный. Потом протянул руку, потрогал то, что предлагал лотошник, с яхонтами, и с жемчугом, но все они были холодные. Хотя и немудрено, сегодня подморозило.

В самом углу лотка, куда покупатель редко и поглядывал, очарованный блестящим великолепием, лежало оно... Строго говоря, это было и не зеркальце вовсе, это был отполирован-

ный кусок металла, отражение в нём было не такое, как в других зеркалах лотошника, и потому на него никто и не глядел. Да и украшение этого товара было скромным – по краю цветы и листья тоненько выбиты, всё и украшение.

А лотошник всё Куприяну под руку подсовывает другие зеркальца, да приговаривает, какое лучше взять, тут и советчики присунулись, какой-то мужичок подошёл, давай товар разглядывать да нахваливать, и баба с ним, румяная да весёлая, тоже указывает пальцем то на одно зеркальце, то на другое.

- Вот это покупаю у тебя, уважаемый, - не слушая советчиков сказал Куприян, и взглянул на лотошника.

- Это старый товар, уже не в ходу такой у девиц, бери вот новый, получше, - говорит ему лотошник, а сам щурится, - Таким подарком девицу не порадуешь, а только рассердишься на тебя!

- Нет, это возьму, - покачал головой Куприян, и полез в карман за деньгами, - Сколько просишь?

- Дорогой это товар, - негромко сказал лотошник, - Поди жаль тебе таких денег пристанет, не возьмёшь.

- Торговаться не стану, сколько скажешь, столько и отдам, - что-то у Куприяна внутри словно бы говорило ему, надо брать это зеркальце.

Назвал лотошник цену, а сам всё кругом оглядывается, словно опасается, но никого нет рядом, покупатели словно и не видят их с Куприяном, другой товар глядят. Дорого запросил лотошник за неказистое своё зеркальце, но Куприян, как и обещал, ни слова торга не сказал, достал из кошелька столько, сколько назначено было. Всё лотошнику и отдал, не жалея монет.

Лотошник расплылся в улыбке, деньги взял, отдал Куприяну то, что он просил, а сам поскорее затерялся в толпе, словно опасался, что покупатель передумает такой товар брать.

Куприян и не думал на попятную-то идти, обернул свою покупку платком, который для матушки купил, сунул за пазуху, да и пошёл дальше по базару гулять. Решил Куприян ещё постилы* купить, умелец тутошний уж очень славился этим лакомством, мёду не жалел, да яблоки на постилу свою только хорошие брал, потому и шла про него добрая молва. Матушку да нянюшек хотел Куприян таким лакомством порадовать, вот и пошёл выбирать.

Уже устал Куприян по базару ходить, взял свёрток с постилой да и пошёл к повозке своей, домой пора ехать, покупки свои везти. Тихон поди уж и озяб его ждать, да и Каштан не любил долго на одном месте стоять, молодой коник, горячий, ему бы волю да поскакать.

- Ну что, нагулялся, Куприян Федотыч? - Тихон не спал, ходил вокруг повозки и что-то правил, - Что, домой поедем, али ещё не всё купил?

- Всё, Тихон Фёдорыч. Чего хотел, всё купил, можно и домой ехать.

- Сейчас, вот чуть подправлю тут, и поедем, - сказал Тихон и стал править упряжь, а Куприян начал прохаживаться рядом.

Остановился поглядеть на то, как на базаре скоморошенную сказку детишкам показывают, и сам Куприян засмотрелся, смеётся, к ним в Киселёво на ярмарку тоже приезжали такие вот ряженные, народ повеселить. Ох, тоска душу тронула, хорошо, что домой он поедет, повидать своих родных! Давно надо было собраться.

И тут чует Куприян, как кто-то его за рукав дёргает. Глядит Куприян, а рядом с ним бабушка старенькая стоит, сторбленная уже, да замотанная в шаль по самые глаза. На ней истёртая душегрея, сукном крытая, кое-где уже в заплатках, валенки стоптанные, подшитые не раз.

- Ты, милоч, поди не шибко чичас делом-то занят? – спросила старушка, глядя на Куприяна снизу, - Не подсобишь ли мне, старой? Взяла полотна, внучатам рубашек нашить, да вот ведь как, донести не могу, тяжело. Спину прихватило, да и ноги не держат, подсоби, недалече идти-то. На повозке туда не проедешь, дороги нет, а пешком... ох, мне и не дойти.

- Здравствуй, бабушка, - отозвался Куприян, - Помогу, где твоё полотно, показывай, - тут он обернулся к Тихону, - Тихон Фёдорыч, ты меня не дожидай, поезжай домой, я после пешком сам дойду. Помогу вот бабушке, да и приду.

Тихон кивнул, махнул рукой Куприяну и снова стал упряжь на Каштане править. Погода хорошая стояла, чуть приморозило, идти хорошо, Куприян и сам доберётся, прогуляется.

- Показывай, матушка, где покупки твои, - сказал Куприян, - И если ещё что тебе нужно купить, так бери, я помогу донести до дома.

- Да всё уж поди и купила, - охая и потирая спину говорила старушка, - Эвона, там оставила, куда торговка согласилась приглядеть. Ну, как звать тебя, касатик?

- Куприяном звать, а тебя как величают, матушка?

- Евдокия Егоровна я, - степенно ответила старушка, - Ну, поди я тебя от дела оторвала, давай поспешать.

Пошли к торговке, которая стояла у большого ряда с разными тканями, шёлк и сукно лежали штуками на повозке, кое-какие, самые красивые, торговка раскинула пошире, чтоб узор было видно. Народу возле неё уже и немного было, всё, что было у неё ходового товара, уже раскупили, а теперь так, больше поглазеть подходили. Куприян и сам чуть раньше у этой торговки для нянюшек купил по отрезу, хорошие ткани, нечего сказать.

- Вас только и жду, - недовольно нахмурилась торговка, увидев старушку в сопровождении Куприяна, - Ехать восвояси уж думаю, базару нет уже, да и холодает. Забирайте свою покупку!

Положила поверх всего большой свёрток полотна, ещё тесьма там была, заметил Куприян, да нитки, всякое, для шитья.

- Не серчай, родимая, - ответила Евдокия Егоровна торговке, - Вот, помощник мне нашёлся.

Забрал Куприян старушкины покупки, и в самом деле, увесистые, где уж старенькой донести, немудрено, что пошла она помощи просить. Ну, пошли потихоньку с базара, как и думал Куприян, в сторону старых улиц. Туда дороги ездовой с базара не было, либо в обход, через старую слободку, да там ручей ещё не застыл.

- А что же, Куприян, за какой надобностью на базаре был? – спрашивала Евдокия Егоровна, - Али так, поглядеть?

- Да по надобности, конечно, - отвечал Куприян, - Собираюсь навестить родных, вот и пришёл гостинцев купить. Давно не видел матушку и отца, нянюшек, и сестёр-братьев, с которыми вырос.

- Оно и верно, как без гостинцев к родне ехать, - кивнула Евдокия Егоровна, - Вот и мои внучки, далече живут, дочки мои взамуж вышли, мужья не тутошние. Осталась я одна, куда можется, живу. Вон изба моя, почитай, у самой околицы.

Долго шли, Куприян уж и сам подустал, и обрадовался, когда Евдокия Егоровна указала на покосившуюся старую избу, стоявшую почти у самого леса. В сих краях Куприян и не бывал, ему эта часть улиц без надобности была.

- Вот спасибо тебе, мил друг, за то, что не отказал в помощи мне, старой. Никто ведь на старуху и не глядит, у каждого свои заботы. Ну, входи, чайком тебя угощу!

Куприяну так пить захотелось, и усталость навалилась сразу. Хоть и не шибко тяжела была ноша, а и спина заныла, и ноги. Вошёл он в избу, старушкины покупки на лавку положил, сам рядом сел, утирая со лба пот.

Всё в избе чин чинном, как у иных прочих, печка посреди, в красном углу образа на киоте, лампадка еле теплится...

***Постила** - в Толковом словаре Ожегова слово «постила» определяется как «ягодная мякоть и уваренный на меду или сахаре сок, вылитый слоями и сгущённый». Это русское лакомство.

Глава 3.

- Ну, садись, помощничек, отдохни, - Евдокия Егоровна сняла шаль и душегрею, повесила на крюк у входа, - Теперь уж дело на вечер пошло, чайку наладим.

- Может подсобить тебе чем, бабушка? – Куприян хотел было встать, да ноги словно тяжестью налились, к полу приросли.

- Да что уж, ты и так подсобил, теперь отдыхай, - махнула рукой хозяйка, а сама стала налаживать самовар.

Оглядел Куприян избу, небогато живёт Евдокия Егоровна, а видать искусница – вон прялка стоит с куделью, на лавке пяльцы лежат, моточки шёлковые рядом. А у образов рушники, шитые диковинными узорами, красным да другим цветным шёлком выведены.

Глядит Куприян, а узоры словно перед глазами вьются, вьются, и словно в дрёму его гонит что-то, голова книзу клонится. Встряхнулся Куприян, в окно поглядел день и в самом деле засинел уже, к вечеру дело идёт, а ему ещё до дома идти.

- Евдокия Егоровна, матушка, ты не хлопочи, в другой раз мы с тобой почаёвничаем, время уже к вечеру, пойду я восвояси.

- Ну, поди, поди, попробуй, - усмехнулась Евдокия Егоровна, вороша уголья в печи и не глядя вслед гостю.

Нехорошо стало Куприяну, душно. Понял, не в добрый дом он в гости попал, да ему не впервой, что ж... Обернулся, а нет перед ним добротной избы, печка развалилась да треснула, кривые закопчённые окна не пускают свет, нет и рушников расшитых, образов святых тоже нет. В углу сидит какое-то, на жабу похожее, только пасть у него зубастая, до самого земляного пола слюна висит. А сама-то хозяйка, которая назвалась Евдокией Егоровной... стоит у печки старуха, чёрные руки когтями по припечку скребут, сама хохочет беззубым ртом. На огне котёл стоит, варево в этом котле тягуче так булькает, косточки в нём какие-то плавают. А вместо того полотна, которое Куприян с базара нёс, лежит трухлявая деревяшка, червями изъеденная.

И моргнуть Куприян не успел, глядь, а старуха уже перед ним стоит, руки когтистые тянет, отшатнулся Куприян, сунулся было в дверь, а старуха ухватила его за руку, да так, что у Куприяна чуть кровь из-под ногтей не брызнула.

- Отдай, что сегодня на базаре взял! – прохрипела старуха и страшно так скалится, тарашится, глаз у неё один выскочил, на ниточке кровавой повис, болтается, по старухиному носу бьёт.

Куприян усмехнулся, хоть и боль в руке до самого плеча пронзала, да что ж, стыдно старой-то бабки страшиться. Другой рукой отпихнул от себя старуху, потом того, что из угла выполз да внизу зубами щёлкал, поддел Куприян ногой, снова в угол пинком отправил.

- Всё, что купил, то моё, с повозкой домой отправил!

- Отдай! – хрипела старуха, когти её больно впивались в Куприянову руку, другую руку она тянула, силясь достать спрятанное за пазухой зеркальце.

- Уйди, старая! Ничего не получишь! – Куприян хотел шагнуть, да ноги в деревянный пол по щиколотку увязли, словно в песок, вот диво-то.

- Отдай, жизнь-то дороже! - расхохоталась старуха, - Не про тебя та вещица, не тебе ею владеть!

Куприян рванулся, кое-как выпростал ноги из деревянной трухи, потом оторвал от себя старухины когти. Если ей так это зеркальце занудилось, значит нельзя отдавать, понял парень, и прикрыл рукой спрятанную попку. Кинулся назад, в дверь, ударился со всей силы плечом, да и вылетел наружу, упав лицом в холодный снег.

Дышать ему стало легче, а вой старухи позади него подгонял, поднялся Куприян и кинулся через наметённый сугроб к покосившемуся заборчику. Выскочил за забор, обернулся, готовый принять, что грозит ему, но никто за ним не гнался.

Старуха остановилась на крыльце своей избы и тянула вперёд когтистые сухие руки, да видать дальше ход ей был заказан. Скрючилась изба, а за ней и старуха, да и весь захолустный двор, всё стало вдруг прорасти корнями, разваливаться в кору да труху, и вскоре весь провалился, до самых Куприяновых ног.

Ни избы, ни плетня, ни старого дровняка, ничего не осталось, провал в земле образовался, сухие корни да трухлявая кора там осталась, всё проваливалось глубже в яму. Стоял Куприян, даже обмер от такого наваждения, и в остолбенении смотрел, как образовавшийся проём наполняется тёмной водой, и вскоре на месте покосившейся избышки колыхалась вода пруда, в маленьких водоворотах крутились щепки.

Что за напасть, подумал Куприян, отряхнул с себя снег, проверил за пазухой купленное недавно зеркальце, и пошёл в сторону своего дома. Что ж, видать не простое это зеркальце, раз в руки Куприяна попало, да и то, что явилось к нему в виде старенькой Евдокии Егоровны... Если уж на такую хитрость зло пошло, чтобы заполучить это зеркальце, значит стоит его поберечь.

Быстрым шагом шёл Куприян к своей Лавке, иногда оглядываясь в синеющих сумерках, но позади никого не было. Редкие прохожие встречались ему на пути, только ближе к Торговой площади стали встречаться повозки, и совершающие вечернюю прогулку люди.

На крыльце Книжной Лавки стоял Ермил и с беспокойством вглядывался в вечерние улицы, мимоходом выговаривая Тихону, который чистил снег у воротин:

- И зачем ты его оставил, домой отправился? Ведь поди вместе на базар поехали, так и обратно вместе бы вернулись!

- Так я ему не приказчик, Куприян Федотыч сам знает, куда ему ехать, - ворчал в ответ Тихон, орудуя лопатой, - Ты, Ермил, чего всполошился! Человек он молодой, что же ему, сиднем в Лавке сидеть безвылазно? Поди и ему погулять хочется, да и в добрый путь! Вон, как сегодня погода хороша, и девицы с мамашами на променады выходят. Чего ты его караулишь, пусть прогуляется!

Ермил сердито махнул на Тихона рукой и отвернулся, стал у крыльца прибираться, снег сметать метлой.

- Да вон он идёт, Куприян наш, - сказал Тихон, указывая на выход из проулка, где показалась знакомая фигура.

Ермил с облегчением вздохнул, увидев Куприяна, отставил метлу и оглядел улицу. Вечеру снежок полетел с неба, с начала улицы уже и фонарщик показался, один за одним зажигались желтоватые огни фонарей. Тут и там прогуливались горожане, останавливаясь раскланяться со знакомыми.

Куприян вошёл в своё хозяйство через ворота, не пошёл через крыльцо Лавки, туда как раз подошло семейство Скрипниковых, у которых дочка была на выданье. Глава семьи Тимофей Аристархович остановился напротив витринного окна и заложив руки за спину рассматривал вывеску и прочее здание. Его супруга с дочкой стояли позади него и с любопытством глядели в витрину.

Вот в обход таковых гостей и проскользнул Куприян в свои ворота, кивнув Тихону, который доскрёб налесь у ворот и запер их изнутри.

- Ты, Куприян Федотыч, где так задержался? Поди уж вон Ермил собирался идти тебя искать. Лавку и закрывать пора, вон, булешник-то уж давно отдыхать ушёл. Покупки твои я в дом снёс, Каштана в стойло определил, всё уж сделал, а ты всё где-то гуляешь.

Куприян поёжился, входя в дом, как-то он продрог, только теперь это почувял. Через открытую дверь из коридора дома в Лавку Куприян слышал, как раскланивается Ермил на переднем крыльце с Скрипниковым и запирает дверь в Лавку.

- Куприян Федотыч, я ужинать накрываю, - из кухни выглянула Акулина Петровна, - Поди, переоденься, да ступайте к столу.

Куприян почувял такой голод, будто несколько дней не ел, и поспешил переодеться, удивляясь, откуда же вся его одежда пропахла прелыми листьями да древесной трухой.

Поели все наскоро, Ермил поглядывал на Куприяна, видать догадался, что неспроста Куприян с базара до дому так долго шёл, но спрашивать при домашних не стал. После уж, когда Тихон ушёл домой, а Акулина Петровна отправилась на покой, поди ей раньше всех подыматься утром, вот тогда и уселись Куприян с Ермилом возле камина в Лавке. Витринное окно чуть прикрыли ставнями, меньше морозом затянет, к ночи-то приморозило. И вот тут поведал Куприян товарищу своему, что его сегодня по дороге с базару задержало. Нахмурился Ермил...

- Правду сказать, не ведаю я ничего про эту вещицу, - Ермил указал на лежавшее на конторке зеркальце, - Но ежели явилось нечто для того, чтобы у тебя его забрать, значит непростое оно. Да и торговец тот, продал его тебе, как мне думается, для того чтобы оно здесь оказалось, в Лавке. И в злые руки не попало!

- Надо в книгах поискать, может что и отыщется, - зевая и протягивая ноги к огню, сказал Куприян, - Только не сегодня, устал я что-то. И что это за ведьма была такая, что сгинула в миг... Как так, что она в прах рассыпалась, и изба её тоже. Всё в пруд оборотилось...

- Не ведьма это была, да и не человек вообще. А вот кто призвал эдакое в мир... покуме-кать надо! Ступай спать, опосля поищем. А это, - Ермил указал на зеркальце, - Пока прибереги, а после на полках спрячем, где про Дивий народ свитки лежали. Там уж точно никто не добудет.

Куприян и впрямь едва на ногах держался, так его нынешний день утомил. Обернул зеркальце тряпицей, да так в кровать и упал, сразу заснул, даже как ложился не вспомнил.

Глава 4.

Проснулся утром Куприян в добром расположении духа. А и то, завтра уже и в дорогу, скоро матушку с отцом увидит, нянюшек, по родным местам погуляет! Вот где будет Каштану раздолье, будет где размяться, да и самому Куприяну тоже. И как-то радостно стало на сердце, решил, что после с этим диковинным зеркальцем разберётся, по приезде.

День быстро пролетел, сперва Куприян в Лавке помогал Сидору Ильичу да новому его помощнику, булошникову племяншу Павлу, а после стал уже и поклажу собирать, завтра спозаранку отправляться.

Уже поздненько, когда улеглись все домашние, а Куприяну не спалось, пошёл в Лавку, у Ермила справиться, собрался ли он в дорогу, да и вообще, поговорить о том, о сём.

Прихватил с кухни пирога пару кусков, по своей уже традиции, да молока крынку, притворил дверь в Лавку, на конторку угощение поставил. Большое витринное окно было только наполовину ставнею притворено, свет заглядывающей в окно полной луны разлил по полу серебро, на стекле в нём искрился морозный узор. Куприян поворошил угли в камине, пару поленьев ещё подкинул, как раз успеют прогореть.

В углу привычно распелся сверчок, затрещало, заиграли синие искорки, отворился проём и в нём показался Ермил.

- Ну что, мил друг, готов в дорогу-то на завтра? – спросил Куприян, наливая молоко в кружки, - Всё собрал?

- Да, собрался. В коридоре уж баул мой стоит, - по лицу Ермила было видно, что грядущая поездка ему по душе, - Давненько я далече-то не бывал. Больше всё по надобности да через Пути, а там поди уж и ничего весёлого и нет.

- Ну вот и ладно. Поешь вон пирога.

- Я сегодня глядел там, на полках тайных, может что и про зеркальце твоё отыщется. Сколько глядел да шарил, а всё ничего нет. Что за штука? - Ермил почесал в затылке, - Может нет в нём ничего... тогда почто оборотень к тебе приступал, который старухой оборотился, чтоб отдал ты зеркальце? Уж я всякое передумал!

- Ну, завтра уже и поедем, давай после станем искать, когда вернёмся, - Куприян зевнул, - Ложись уже спать, завтра до свету отправляться станем. Доброй ночи, Ермил.

Затрещали в углу синие искры, схлопнулось, и пропал Ермил в открывшемся проходе, снова за книжными полками распелся сверчок. Куприян подошёл к витринному окну, полюбоваться на морозную лунную ночь, рассыпавшую по небосводу алмазные звёзды. Красота... луна такая яркая, что всё видать, всю улицу до самой булочной Никодимова, только протянулись синие тени от кустов и выстроившихся рядом домов. Красиво... сверкает всё в жемчужном свете, и ни веточка на кусточке не шелохнётся.

Вдруг словно тень подвинулась, протянулась сероватым облачком от стены, небольшая, едва приметная и гибкая. Куприян носом прилип к холодному стеклу, вглядываясь в морозную мглу и пытаясь разглядеть, приблизилось ему или на самом деле что-то есть.

Глядит Куприян, вроде и нет ничего, морозная ночная тишина сверкала кругом, уж было подумал Куприян, что привиделось ему с сонных-то глаз. Поправил большой глобус, радость местной ребятни, и сделал шаг, чтоб уйти, и тут...

Глядь, ан нет, не показалось! Прямо напротив Книжной-то Лавки кошка сидит. Да не такая большая, каким в прошлые разы к ним Феоктист приходил, тот большой кот был, а эта – маленькая, навроде котёнка даже.

Ну, может соседская чья-то, вышла в ночи погулять да на мышей поохотиться, решил Куприян, поглядел ещё на улицу, кошка всё так же сидела под стеной соседнего дома, глаза её поблёскивали зелёными огоньками.

Заснул Куприян сразу, как только лёг в кровать, спалось ему в эту ночь без сновидений, не разбудил его даже появившийся в углу Ермил, и рассыпавшиеся вокруг него синие искры. Он оглядел комнату, заметил на комодке мягкое свечение и нахмурился.

Купленное Куприяном зеркальце тускло светилось в сумраке, от него пахло мятой и ещё какими-то травами, мягкий свет пульсировал в ночной темноте, едва освещая хмурое Ермилово лицо. Тот постоял немного, поглядел, прикрыл зеркальце Куприяновым кушаком, потом выглянул в окно и пристально осмотрел двор.

Окна Куприяновой спальни выходили на внутренний двор, вот дом истопника, где сейчас Акулина Петровна жила, дальше конюшня и баня, и калитка, которая вела на соседнюю улицу. Сейчас она была заперта на засов, а весь двор заливал яркий свет луны, искрящийся на снегу. Пуст был двор, тихи и улицы, город спал, только чья-то кошка сидела на столбе у калитки и помахивала хвостом.

Ермил затворил ставню, потом ещё и штору потянул, беспокойно было у него на душе, но больше от того, что он странным образом не нашёл ничего про это зеркальце, ни в одной книге, хотя перебрал их чуть не сотню.

Ещё не рассвело, когда крытая повозка выкатилась за ворота, Тихон помахал рукой вслед отъезжающим, с ним рядом стояла закутанная в шаль Акулина Петровна, утирая выступившие слёзы.

- Всё одно беспокойно, когда наш парнишко в дорогу отправляется, - сказала она Тихону, - Ведь совсем молоденький ещё. Ну да уж Господь милостивый, не оставит его в пути!

- Не тужи, матушка, Куприян у нас человек рассудительный, без дурачки, - усмехнулся стоявший рядом с нею Сидор Ильич, - Да и дорога не абы куда, домой едет, к сродникам!

Куприян сидел на облучке, закутанный в тулуп с высоким воротником, лохматая шапка была ему к лицу, он деловито помахивал кнутом, как заправский возница. Довольный Ермил сидел рядом с ним, отказавшись в свою очередь ехать в повозке и греться.

- Гляжу, по душе тебе поездка-то, - усмехнулся Куприян, глянув на помощника.

- По душе, - смущённо кивнул Ермил, - Давно хотел поехать, да всё никак – то недосуг, а то и некуда.

- Ну, дорога неблизкая, ежели к завтрашнему вечеру доберёмся, хорошо. Заночуем на постоялом дворе, лошади отдохнут, и мы сами тоже. Ты бы погрелся всё же, а я как озябну, ты меня и сменишь.

Ермил кивнул и на ходу забрался в повозку, накрылся овчиной и тут же заснул. Куприян обернулся, поглядел на помощника и усмехнулся – спит... видать умаялся, снова ночь не спал за какой-то надобностью. Чуть пришпорил, и Каштан радостно вскинулся, его собрат по упряжке, каурый Буянко, которого Тихон от брата со слободки привёл к этой поездке, тоже довольно заперевирал копытами. Видать, и коникам охота в ходу погреться да поскорее до места добраться!

Морозец несильный ещё, а всё же пробирается под тёплый-то кожух и румянит щёки. Выехали за город, когда утро уже разыгралось во всю, белёсое солнце не грело, но веселило сердце, от его света лёд на речке искрился, переливались гонимые ветром по ледяному зеркалу снежинки.

Ермил проспал часа два, после отдыхать и греться забрался уже Куприян, тут он и порадовался тому, что не послушал его Тихон и в повозку поставил дорожную жаровню с углём, от которой Куприян хотел было отказаться в дороге. Руки заоченели даже в тёплых рукавицах, и теперь Куприян отогревал их над горячей жаровней. Завернувшись в овчину, Куприян быстро согрелся и заснул.

Зимние сумерки рано приходят, день хоть и светел, да короток. Проснулся Куприян от того, что повозка остановилась. Он выглянул наружу, они стояли в поле, впереди темнела стена высокого леса, Ермил возился у каретного фонаря, один он уже зажёл и тот разгорался всё ярче.

- Что не разбудил меня? Что-то я заспался, - Куприян подбросил в жаровню щепы и выбрался из повозки, - Ступай, грейся, я теперь сам. Скоро уж и ночлег покажется, через лес и под горку осталось проехать.

Ермил потёр озябшие руки и шустро забрался в повозку, видать промёрз, а Куприян обошёл повозку кругом и поправил упряжь. Похлопал по крупу коней и влез на облучок, немного осталось, скоро все отдохнут, постоялый двор хоть и небольшой, а добрый, хозяин там Кондратий Степанович, человек в преклонных годах, суровый и справедливый, дело своё держит крепко.

Повозка въехала в лес, дорога наезжена, оно и немудрено, санный путь хорошо встал, народ и принялся дела свои справлять, которые требуют поездок.

Фонари покачивались впереди, Куприян вглядывался вперёд, лесная дорога внимания требует, перевернуться недолго, а после поди исправь. Однако... беспокойно стало Куприяну, когда понял он, что едут они уж долго, а конца-края этому лесу нет. А ведь помнит Куприян дорогу, недолго тут по лесу-то ехать...

- Куприян, мы не заплутали? – словно почуяв беспокойство товарища, из повозки выглянул Ермил.

Вдруг кони заржали и резко дёрнули поводья, Куприян едва удержал! Ермил укатился обратно в повозку, кони вскинулись и понеслись, не разбирая дороги, Куприян заметил, как под ногами у них мечутся серые мутные тени.

Глава 5.

- Ох ты ж! – заругался Куприян, изо всей силы натягивая поводья и пытаясь удержать лошадей, да и летящую повозку, которую мотало меж деревьев.

Комья снега вместе с колючей снежной пылью летели молодому вознице в лицо, в рукава кожаных и за шиворот, но холода он не чувствовал. Ещё бы, повозка летела по лесу, деревья порой мелькали чуть не перед носом Куприяна, пару раз его лицо ожгло, так хлестнуло колючей еловой ветвью. Он кричал и тянул поводья, пытаясь успокоить Каштана и надеясь на то, что коня успокоит его голос. Но кони неслись, взвывая копытами снег, и когда Куприяну удавалось приоткрыть глаза, ему виделись метущиеся по снегу тени, они летели рядом с повозкой, кидаясь под копыта и пугая без того напуганных коней.

- Держись, Ермил! – крикнул Куприян, и захлебнулся попавшим в горло снежным вихрем.

Позади него послышался голос Ермила, Куприян не разобрал слов, но обрадовался, что товарищ его живой. Пока ещё... они оба живы, но судя по тому, что они несутся в чащу леса, это ненадолго.

Куприян продолжал кричать и тянул поводья что есть силы, и то ли Каштан его услышал, то ли ещё какая причина была, но Каштан потянул своего напарника Буяна, замедляя ход. От этого повозку занесло, она опрокинулась на бок, юзом пошла по снегу и остановилась, оперевшись в толстый ствол дерева.

Куприяна знатно трянуло и выбросило в снег, он успел закрыть руками голову, ожидая встречи с каким-нибудь пнём. Но ему и тут повезло, упал он в мягкий сугроб, невредимый и только набравший снега во все карманы, рукава и валенки. Тут же вскочил, выплюнул снег и кинулся к повозке. На счастье, упряжь оборвалась, и кони стояли недалеко, невредимые, только испуганно всхрапывали.

- Ермил! Ермил, ты живой?! – Куприян кинулся к повозке, в которой рассыпался уголь из дорожной жаровни.

- Вроде живой и даже невредимый, - ответил Ермил откуда-то со стороны кустов, - Выкинуло меня, чудом под повозку не угодил! Вот дела, а, Куприян? Это как же так?

- Не знаю. Коня будто чего-то напугали, я думал волки, и вроде даже видал стаю. Надо оглядеться! Я пойду поищу хвороста посуше, а ты пока найди жаровню, может там угля остались, чтоб разжечь. Если нет, то в моём мешке огниво есть, спытаем его. Как-то странно, нешто мы так долго ехали, что уже и темнеет.

- Снег пойдёт, - оглядел небо Ермил, - Вон какие тучи, потому и темнеет. Ступай, нам надо огонь разжечь, потому что ежели это волки были...

Сам Ермил отправился к повозке, разыскивать опрокинувшуюся жаровню, пока угля не подождли там ничего, а то будет у них «костерок»!

Куприян сперва коней пошёл глядеть, целы ли, и не намоталась ли как-то неудачно упряжь, Каштан уже совсем успокоился, и доверчиво ткнулся мордой в Куприяново плечо, дескать, не серчай, хозяин. Буян дрожал, шоры съехали, и он косил глазами на лес, Куприян принялся успокаивать коника, а сам пристально оглядел кусты и подлесок, но никого не увидел.

- Не бойся, Буянко, никого нет! Сейчас огонь разведём, никто не посмеет подойти, никакие волки! – говорил Куприян, а сам думал, как же хорошо, что оглобля сломалась и коники целы остались.

Достав из-под облучка топор, Куприян пошёл в лес, срубая нижние сухие ветки на корявых, каких-то приземистых деревьях. Что за местность, надо оглядеться, есть ли тут дорога какая, или жильё, чтоб повозку починить можно было. Вот тебе и поездочка, собрался было в гости к родне, и опять куда-то занесло!

Не без труда добыли огонь, повезло, что в жаровне остались угли, не все рассыпались и погасли в снегу. Развели два костра, достали конские попоны, накрыли жмущихся друг к другу коней, а сами принялись сушить промокшую от снега одежду.

- Я поглядел, повозка вроде не завязла, завтра достанем верёвку, может и вытянем, - говорил Ермил, - Вот только не запрячь уже, чинить надо, и оглоблю новую сладить. Ну, можно верхом добраться, не шибко и холодно.

Куприян достал из повозки мешок со съестным, собранный им в дорогу Акулиной Петровной, есть хотелось жутко, вот только коников жалко, их нечем кормить, до постоялого-то двора намеревались добраться к вечеру, а вон как вышло.

Но находчивый Каштан стал объедать с кустов пожухлые листочки и торчащую из-под снега траву, Буян последовал его примеру, а Куприян подумал – ну хоть что-то пожуют. Может завтра выберутся и доедут до постоялого двора, там и отдохнут, коней накормят, и сами дух переведут после такого приключения. Он привалился спиной к боку опрокинутой повозки и глядел в огонь. Жар, нахлынувший было после всего, что с ними случилось, теперь спадал, тело стал пробирать озноб, и Куприян потянул на себя подсохший у костра кожух.

- Озяб? – спросил Ермил, - Вот и я тоже. Эх, теперь бы Акулининого взвару или киселя... Поспи чутка, я посижу. После разбужу тебя, спи.

Куприян закрыл глаза, и в самом деле усталость наваливалась тяжёлым одеялом, он тут же провалился в дрему. Ермил взял топорик и пошёл в прилесок за хворостом, взяв из костра головню и походя похлопав Буяна по крупу.

Куприян проснулся от того, что Ермил тряс его за плечо и что-то шептал. Глянув на помощника, Куприян тут же проснулся, лицо Ермила было обеспокоенным, он то и дело оглядывался и смотрел в лес, окруживший их тёмной стеной.

- Проснись, Куприян! Проснись! На вот, держи! – Ермил сунул в руку Куприяна топор, - Кто-то идёт к нам! Я его давно приметил, да думал мимо кто-то...

Кони прядали ушами, но страха не казали, значит не зверь, решил Куприян, сбросил с плеч кожух и перехватил топор поудобнее. Ермил встал чуть впереди него, так, чтобы свет костра не мешал ему глядеть в темноту леса, в руках у него был обломок оглобли.

А там и вправду кто-то шёл. Снег громко скрипел под чьими-то ногами, хрипловатый мужской голос негромко напевал и приговаривал что-то, по всей видимости тот, кто шёл сейчас по лесу, местность эту знал и хаживал тут не раз.

Куприян открыл было рот сказать Ермилу, чтобы тот отошёл за повозку, как в свете костра, играющем тенями на кронах деревьев, показался старик. Одет он был в короткий кожух и шапку-треух, окладистая борода покоилась на груди, чуть не до самого кушака. В руке у старика была палка, ею он помогал себе идти по снегу. Добротные валенки чуть не до колена, были все в снегу, видать путь он проделал неблизкий.

Он оглядел повозку, коней и костры, а потом прищурившись уставился на Куприяна с Ермилом.

- Ну, касатики, кости-то у вас целы, опосля такого? – дед кивнул на опрокинутую повозку, - А ты, добрый молодец, топорик-то прибереги, не балуй. Ничего я вам не сделаю, да и вас подитко двое, а я уж старый, силы не те!

Старик усмехнулся, осторожно обошёл Ермила и протянул руки к огню. Широкие жилистые руки были похожи на кору деревьев, и Куприяну подумалось, как же руки у деда не озябли без рукавиц-то.

- Ладно, собирайте покуда пожитки, - сказал дед, - Коников берите, сами тоже снимайтесь с места, до моей избёнки недалече совсем, а там и конюшенка тёплая имеется, овёс свежий, и вам ночлег. Вон, вишь, как небо-то развиднелось, звёзды высыпали, мороз будет ночью, костерок вам не поможет. Эти места в низине находятся, стужа, она ведь как, в низину спускается, и там стоит. Этак вот остановишься заночевать, и не заметишь, думаешь, в ямке-то теплее, ан

нет! Можешь и не приметить, как навсегда заснёшь! А завтра струмент какой возьмём, отладим вашу повозку, оглоблю-то поди в лесу сладить нетрудно.

- А кто же ты есть, дедушка? – спросил Куприян, разглядывая деда, - Нешто Леший?

- Я-то? Да пусть бы и Леший! – рассмеялся старик, - Хоть горшком обзови, да только в печку не ставь! Хоть и не Леший я, милоч, а за лесом тут приглядываю, зовите дедом Касьяном. Вон там живу, вишь, огонёк на пригорке? То моя метка, оттудова я пришёл, когда ваши-то костры за приметил.

Куприян поглядел на Ермила, мол, что скажешь, пойти или как? Но тот едва заметно плечами пожал, видать тоже не распознал, что за гость лесной к ним тут в ночи пожаловал.

А между тем мороз и в самом деле усилился, стал пробираться под влажный ещё Куприянов кожух, Ермил тоже ёжился, да кони... их тоже жаль, они ещё и голодные. Никто с собой овса не брал, до темна ещё должны были до постоянного двора добраться!

Куприян кивнул Ермилу, они стали собирать то, что из повозки с собой взять, остальное увязали, дверь палкой подпёрли.

- За пожитки не бойтесь, некому их здесь брать, никто не позарится, - уверил дед, потом снова глянул на небосвод и стал путников торопить, - Давайте поскорее, это отсюда видится – вроде рядом, а путь неблизкий.

Прав оказался дед Касьян, когда за лесом показалась его изба, Куприян с Ермилом уже ни ног, ни рук не чуяли, да и кони сердито фыркали, подгоняя путников.

Глава 6.

Высокие ели словно расступились перед ними, и под пригорком показался Куприяну дом, который на избу и не был похож, скорее на терем. Двор окружал тесовый забор с воротами, резной капельник над воротами был так искусно украшен, словно морозный узор по краю лёг.

Над воротами фонарь на коньке горел, его-то и было видно издали, на него и шли путники в морозной мгле. У Куприяна руки-ноги совсем оковенели, и при виде чуть вьющегося над трубой сизого дымка даже нутро свело от холода и желания поскорее оказаться у тёплой печи.

Дед Касьян отворил ворота и указал гостям на высокое крыльцо:

- Ступайте в дом, а я пока коников ваших определю, как положено. Пока в конюшню отведу, а уж после обихожу, вас сперва привечу.

- Ай да изба у тебя, дед Касьян, - усмехнулся Ермил, у которого зубы тоже стучали от холода. – Дворец, не изба!

- А кому и дворец, - махнул рукой дед, - Ступайте, грейтесь. Чичас приду!

Дед взял из рук Куприяна узду и повёл Каштана и Буянко за дом, там виднелась большая конюшня, перед ней стояли крытые саночки небольшого размера, тоже расписанные резными узорами.

Куприян с Ермилом поднялись на теремное крыльцо, Ермил взялся за кованое кольцо и отворил дверь, но тут же Куприян ухватил его за руку, остановил и не позволил войти. Он смотрел в сени, на стене висел фонарь, тускло освещая вход, и вроде всё по-человечески, но Куприян медлил.

За домом слышался хриловатый голос деда Касьяна, он приговаривал коням, слышалось, как в ясли сыплется овёс.

- Что? Думаешь, не ладно тут что? – прошептал Ермил, тоже оглядывая вход в дом, - А я вроде не чую ничего скверного-то...

- И я тоже не чую, да вот только проверить не помешает, - Куприян сунул руку в карман и достал щепотку крупной соли.

Она была вся мокрая от снега, чуть не до верху набившемся в карманы Куприянова кожуха, когда тот с повозки-то летел, но сейчас соль в руке Куприяна согрелась, заиграла, покалывая пальцы.

Он потёр соль в щепоти, а потом чуть наклонился вперёд, пробормотав: «Сила моя со мною, и за порогом, и через порог!»

И тут же кинул соль вперёд себя. Серебряным звоном рассыпалась щепотка, да таким, что Ермил с Куприяном чуть не подпрыгнули. Словно колокольцы заиграли, каждая крупинка соли подскакивала от пола и звенела.

- Ну что, проверил, мил друг? – спросил дед Касьян, и Куприян даже подпрыгнул, так неслышно поднялся хозяин дома за ними по ступеням, - Ну, коли так, уж входите теперь.

Куприян не нашёлся, что сказать, но обрадовался, что дед не озлился на такую его проверку. Почему -то ему не хотелось, чтобы дед Касьян не тем вышел, кем им спервоначалу показался.

В доме было тепло, пахло травами, горячей печкой и ржаным хлебом. Каравай лежал на дощатом столе, накрытый вышитым рушником, видать недавно из печи достали.

- Ну, подите вон в баню, не парная, а омыться пойдёт, - дед Касьян указал гостям на видневшуюся через оконце добротную баньку, - Мочало там есть, рубахи чистые сейчас дам вам. Кожухи на печь сушить положите, не дело в этакую стужу в сыром-то ходить, так и лихоманку схватить недолго.

- А хозяйшка твоя где, дедо? – спросил Куприян, - Нешто не покажется?

- Нет у меня хозяйки, вдовый я уж много лет, - лицо деда чуть потемнело при сих словах,
- Сам я, уж привык... о прочем после скажу, ступайте.

Баня была протоплена жарко, может и не «до пару», как сказал хозяин, но промёрзших до костей путников грела хорошо. Ермил забрался выше на полки и с наслаждением вдыхал горячий дух от берёзового веника, запаренного в ушате. Покрытые соломой полки так и манили прилечь, но Куприян держался, ему шибко хотелось расспросить деда Касьяна, кто же он таков, и по какой оказии они с Ермилом у него в гостях оказались.

Если уж вспоминать всю Куприянову прошлую жизнь, то уж и так ясно – неслучайно они оказались сегодня в том лесу, и дед Касьян сам неслучайно пришёл к ним.

- Ох, в сон как клонит, - говорил Ермил, когда они с Куприяном облачались в чистые рубахи, терпко пахнувшие душицей, - А дед вовремя объявился... как думаешь, может нарочно? И то, что повозка у нас опрокинулась, может его рук дело?

- Ну вот теперь у него самого и спросим, только не сомлеть бы, - Куприян и сам зевал уж в который раз, разомлевшее в тепле тело стало тяжёлое и неповоротливое.

- Это да, хотя бы нам и спать-то по очереди надо, - зевнул Ермил, - Чего у деда на уме, поди знай!

В избе был накрыт стол, дед Касьян поставил на стол пыхтящий самовар и повёл рукой:

- Гости дорогие, угоститесь, не побрезгайте. Время позднее, потому уж не обессудьте, чем богаты.

- Благодарствуй, дедо, - поклонился хозяину Куприян, Ермил сделал то же самое, глотая голодную слюну.

Рядом с самоваром дед поставил большой туес мёду, такого душистого, что у Куприяна зашекотало в горле, свежий каравай, порезанный щедрыми ломтями, так и просился в рот.

- Дедо, а ты расскажи, как нас-то нашёл нынче, - спросил Куприян, принимая от деда кружку с взваром, - Поди уж не просто так пришёл.

- Это верно, я вас услышал издали. Ты, Куприян, поди не поверишь, а твою наговоренную соль я слышал ещё тогда, когда ты в своей Лавке её в карман ссыпал! И после слышал, когда ехали вы с ветерком, а уж когда юзом пошли, и того сильнее – как набат колокольный мне это было. Вишь ли, Куприян, дано мне этакое – всю соль земли я слышу и над нею власть мне дана, да не просто в карманы собирать...

- Дедо, а ты как узнал, что меня Куприяном-то звать? Поди я и не говорил...

- Не говорил, - кивнул дед Касьян, - А только и мы путями разными ходим, вот и я слышал про тебя. Как не слышать, когда знаешь, кто с тобой рядом живёт, считай – по соседству.

- Дед, а не ты ли серых этих, с красными глазами к нам подослал? – спросил Ермил с некоторой даже обидой, - Я видал, как они коникам нашим под ноги кидались! Кабы не они, так ехали бы мы своей дорогой до Киселёво, и повозка бы в снегу не увязла!

- Тех, о ком ты говоришь, я не посылал, - спокойно ответил хозяин дома, а Куприян уж испугался, что тот осерчает на такие Ермиловы слова, - А вот кто послал, и для чего – это я знаю. Потому и пошёл за вами, да сюда вас привёл, иначе и не видать вам утра!

- Кто же, дедо? Да и за чем, по какой надобности? – удивился Куприян, - Вроде бы всё уж зло мы в округе извели, ничего не осталось.

- Всё, да не всё, - вздохнул дед Касьян и пристально взглянул Куприяну в глаза, - Нешто сам не знаешь... только дай слабину, не мешкает зло, любую щёлочку отыщет, чтобы чёрной змеюкой в душу заползти, а после уж и заполонить всю. Неприметно, тишком да по капле, и не заметишь, как уже не оно тебе, а ты ему в услужении.

- О чём ты, дедо, сказываешь?

- Вот такое зло и поселилось в наших-то краях, - вздохнул дед, - Лес от него болеет, чахнет. И эти, кто вас загнал в Мертвячую низину, оттуда приходят. Сколь уж лет я своё дело исправно служу, места сии храню, и уж чего не видал, а такого на своём веку не упомяну. Тот,

кто силы отсюда тянет, от земли, от леса, да от всего, что земля наша родит, он всё сильнее становится. И чую я, силу он собирает великую, а для чего – пока мне не понять. Нешто вот...

- А? Что? – спохватился задремавший за столом Ермил, который щекой уж на стол и привалился, - Я... только чуточку прикрыл глаза-то...

- Поздно уже, - кивнул дед Касьян и поднялся, - Вам и без того сегодня досталось, чтоб ещё полночи-то сидеть. Ничто вам здесь не грозит, потому – спите покойно, силы набирайтесь. А уж завтра по утру всё и расскажу, когда и голова будет светлее. Вон, полезайте на полати, там тепло, перина застелена, хорошо!

Хотел было Куприян сказать, что нисколько спать не хочет и послушает ещё, что дед Касьян скажет, но язык его уже едва ворочался, и голова клонилась сама по себе.

Сонные, забрались они с Ермилом на дубовые полати, Куприян подмял под голову набитую душистой травой подушку и тут же заснул. И правду дед Касьян сказал, покойно было, даже то, что сегодня их чуть не сгубило, сон их не беспокоило.

Сам дед Касьян только и усмехнулся, услышав, как засопели его гости. Накинул на себя кожух, вышел он на крыльцо и стал смотреть туда, за тесовый забор, где темнел стеною высокий лес, шумел тревожно и жалобно, словно рассказывая о том, что его терзает.

Нахмурился дед Касьян, потому что увидал, как рыскают у опушки серые тени, сверкают красными глазами и скалят страшные клыки, поглядывая на неприступный для них забор.

Дед Касьян постоял ещё в раздумье, после взял в сенях четыре подковы, да не простые, а с одной хитростью, только ему ведомой. С ними и пошёл в конюшню, где стояли сытые и довольные Каштан и Буянко.

Глава 7.

Проснулся Куприян рано утром, день ещё только загорался тонкой ниточкой за лесом. Голова была светлой, ничего не болело, и спалось ему так крепко, что он не сразу припомнил, где это они с Ермилом оказались, и почему.

В доме было тихо, только в печи весело потрескивали поленья, вкусный аромат каши щекотал голодный Куприянов живот и он слез с полатей. За окном ещё не рассеялся предутренний сумрак, где-то за углом дома дед Касьян покрикивал на кур, обещая отправить в лапшу драчливого петуха.

Значит не приснилось, подумал Куприян про вчерашнее, накинул на себя просохший за ночь на печи кожух, сунул ноги в валенки и вышел на двор. С высокого крыльца через тесовый забор была видна тёмная, резная по верху стена леса. Удастся ли наладить повозку, думал Куприян, кутаясь в кожух, который каким-то волшебным образом так долго хранил тепло горячей печи.

«Надо оглоблю новую сладить, - думал он, - Не растащили бы там ничего в повозке, много осталось. Хорошо, что дед Касьян нас приветил, вон какое утро студёное, аж звенит всё. Окоченели б мы там, и костры бы не помогли!»

Он спустился с крыльца и пошёл к конюшне, проведать коников, их пуще себя было жалко, сам-то что, и у костра бы обогрелся. Каштан хозяину обрадовался, даже перестал хрустеть сеном и начал перебирать копытами, дескать, и в путь пора. Чуть дальше в стойле дремал Буянко, а напротив него видать дедов конь обитал.

Невысокий и крепкий коник, шерсть густая, видать к зиме укрепились, такой и один повозку-то утянет, Куприян не удержался и похлопал дедова коника по крепкой шее.

- Что, Куприян, поднялся в этакую рань? – в конюшню вошёл дед Касьян, - Спал бы ещё, всё одно свету придётся ждать, уж после пойдём повозку тянуть да упряжь вашу чинить.

- Благодарствуй, дедо, да я вроде и выспался. Хорошо у тебя спится! Чем подмогнуть тебе, скажи, покуда рассветёт, займусь.

- Да всё вроде я уж сладил сам. Коников ваших я перековал, теперь две подковы на них необычные, я сам ковал. Та нечисть, что за вами гналась, больше не сможет вам навредить. Да только другого зла полно, от которого подковой не огородишься. Идём в дом, каша поди уж готова, поешь.

- А что, дедо, что же за зло такое, от чего оно в сих краях объявилось? – тихо спросил Куприян, сидя за столом в доме.

Дед Касьян достал из печи горшок с кашей, из сеней принёс крынку свежего молока и поставил на стол.

- Да что сказать тебе, Куприян, поди уж и ты не раз изведал злой-то силы, и сам ведаешь, откуда оно берётся. Расскажу тебе... Жил один молодец, да вот, навроде тебя, удалой да сметливый, несмотря, что сирота. Без родителей рос, и ещё мальцом на воспитание к кузнецу попал. Тот мастер был на всю округу первый, издалека к нему приезжали, подковы ковал звонкие, мечи крепкие, прочча како-то, всё у него выходило. Ну и приёмыша своего всему обучил, да тот больше к другому прилежанье являл. В лес ходил со знахаркой местной, что травы да коренья ведала, так он у неё много перенимал, а после и соединять стал такие свои умения. Выкует серп, да калит на углях с травой-бормочихой, али ещё какой. И нет тому серпу равных, только поспевают за ним остальные-то. Кузнец сперва вроде и сердился на приёмыша, а после, как тот стал в кузне таковые знания являть, обрадовался. Да вот только как в лета парнишка вошёл, объявился у ворот кузнецовых человек.

Высокий старик с посохом берёзовым, борода седая, платье старинное, да только из такого полотна тканное, какого и самые лучшие мастерицы в округе не наткут! Не иначе -

ведун! Дивится кузнец, в избе путника приветил, как полагается, а ведун тот всё на приёмыша кузнецова глядит. Приёмыша-то кузнец Иваром назвал, когда младенцем взял.

После и говорит этот человек кузнецу:

- Заберу я у тебя парнишку, ты уж не сердчай и его не неволь. Коли сам захочет со мной пойти, отпусти, не держи. Его доля такая, Хозяином станет, все мои владения ему перейдут после моей кончины, а она уж, чую, близко ходит...

Кузнец рассердился, как так – заберу! Поди как родного рóстил, своим сынам спуску не давал, а этого порой и жалел, ведь сирота! А Ивар и отвечает:

- Ты не сердчай, тятенька, а пришлый человек правду говорит – я и сам знаю, что на роду мне написано долю такую принять. Отпусти, да в дорогу благослови, век тебя буду добрым словом поминать. А коли что не сладится у меня, так приду обратно, ежели примешь.

Отпустил кузнец, что ж, как удержать, коли сам просится? Так и ушёл Ивар с пришлым человеком, только малую котомку с собою и собрал, кое-что из инструмента тонкого с собою взял, какой в работе пользовал. Кузнец тисочки малые ему положил, только недавно на базаре купил, уж очень хорошо у Ивара получалось девичьи украшения делать, да вот ещё и зеркальца делать стал, гладкие, ровные, словно бы и красоту девичью прибавляют той, которая в него глядится.

Кузнецу на сердце беспокойно было, а пуще того невеста по Ивару убивается. Долго Марья у околицы стояла, глядя на дорогу... уже и не видать путников двух, далеко ушли от деревни-то. Ушёл Ивар, не обернулся, даже Марье рукой не махнул, глаза только вниз опустил... Словно и позабыл, какие слова говорил, какие обещания давал девушке, а вон как вышло – ушёл, и головы не повернул, даже в глаза не глянул.

А Марьюшка жениху своему верила, всем говорила, что в скорости вернётся Ивар, ведь обещанье дал, серёжки да колечко дарил, которые сам ковал, и зеркальце невесте своей сделал, простенькое, да только дороже подарка Марьюшка и не желала.

Годы шли, да не один и не два, а всё ждала Марьюшка своего Ивара, всем прочим, кто свататься приходил, отказ давала. Мать Марьюшку уж чутка даже и бранить стала, дескать, что же, из-за этого обманщика перестарком оставаться, да жизнь свою в одиночестве проживать!

- Отступись, кого ты ждёшь, не вернётся он, Ивар твой, - говорила мать Марьюшке, - Мало мне горя выпало горевать, отец твой молодым сгинул, так теперь вот и ты придумала... Блаженный он, Ивар твой, был блаженным, таким и остался! Давно уже сгинул, или запропал где, а хотел бы, так уже и вернулся бы. Ведь уж сколько времени прошло, сама подумай! Вон, Василий Лушков все глаза измозолил, стоит у плетня который день. Послушай меня, доченька, как сватов пришлёт, соглашайся. Семья справная, хорошая, мать Васькина слова худого ни в жисть не скажет, ведь года твои идут, жить да ребятишек рожать, а ты всё по Ивару слёзы льёшь.

Горевала Марьюшка, сама уж поняла, не вернётся к ней Ивар, правду матушка говорит, иссохло сердечко, да только ждать не перестанет никогда. Пошла Марьюшка в кузню, хоть отца Иварова повидать, расспросить, уж в который раз, нет ли весточки...

- Не жди, Марьюшка, - сказал кузнец, только глянув, кто вошёл в двери, - Нет вестей от Ивара, а если и будет... Тебе свою судьбу вершить, свою жизнь жить. Замуж иди, выбирай, кто по душе, а Ивара забудь.

Посидела на лавке Марьюшка, послушала напоследок перезвон молоточка о наковальню... так Ивар ковал, когда серьги ей правил, или ещё какое украшенье. Ну вот и ладно, потешила сердце, пора и домой...

Шла Марьюшка к дому, дороги за слезами своими не видела, разбилось сердечко, и всё, что было в ней живого, словно в кузне той и осталось. Идёт полем, хотела у речки посидеть на том месте, где с Иваром они встречались когда-то, а тут... глядь! Женщина по полю идёт, да прямо к Марьюшке, и так идёт, словно по воздуху плывёт.

- Здравствуй, Марьюшка, - звонким, словно серебряным голосом сказала женщина, - А я за тобой пришла! Пойдёшь ли ко мне в выученицы мои, в помощницы? Все тайны тебе открою! Что ты хочешь, скажи, я исполню, станешь и ты такой, как я сама, через время.

- Здравствуй, тётушка! – удивилась Марья, - Да кто же ты такая, и что за уменья у тебя, которым учить меня хочешь?

- А вот пойдёшь ко мне, покажу, - по-доброму так усмехнулась женщина.

- Я бы пошла... да не могу матушку оставить, как она без меня? И так все глаза от горя выплакала, смолоду по отцу моему горюет.

- Что ж, правду ты говоришь, - кивнула женщина, - Приходи сюда каждый год на Купала, по утрам, ранёшенько, стану я тебя поджидать. А через три года снова спрошу, может тогда пойдёшь.

Вернулась Марьюшка домой в тот день, а там сваты, Василий прислал. Послушалась она матушку, да и дала согласие. Вроде и забыла Ивара, доченьку родила через год, Василий в молодой жене души не чаял, хорошо жили, ладно.

Снова на сносях была Марьюшка, когда по деревне слух прошёл – воротился Ивар... сколь уж лет прошло, а воротился...

Глава 8.

Помолчал дед Касьян, поглаживая вышитую красным узором скатерть, в печи потрескивали уголья, на полатах мирно посапывал Ермил, а за окном разливался по округе малиновый рассвет.

- И что же, Марьюшка оставила мужа? Вышла за Ивара? – спросил Куприян, его так завлекла эта история, тем более, что он знал её окончание.

- Нет, конечно. Приходил Ивар к Марьюшке, говорили о чём –то, да только после того разговора едва не почернел. Вернулся в дом отца, и дня три на улицу не выходил. Сердит был на всех, мало того – невеста не дождалась, так ещё и отец помощника нового себе в кузню принял, парня молодого, примерно Иваровых годов, тоже сироту.

- Да, не ждал я, что все меня так быстро позабудут, - с тяжёлой обидой в голосе сказал Ивар приёмному отцу, - Вот и ты, отец, привёл себе помощника нового вместо меня...

- Зря ты, Ивар обиду на нас держишь, - покачал головой кузнец, - Я уж стар, тяжело мне одному в кузне справляться. Ты же ведь поди погостить приехал, скоро соберёшься в обратный путь. А мне уж тяжёлый молот не поднять, спина болит, да и руки давно не те. И Марьюшку ты не вини, ждала она тебя, только сам ты ни весточки ей не послал, ни обещанья воротиться не дал. Ждала она тебя, сколько слёз пролила, в кузню ко мне приходила... Твоя вина, оставил ты девушку, срока не дал, сколько тебя ожидать, так что же теперь, за что её винишь?

Знал Ивар, что прав отец, и ему тяжело в кузне, вон как спина сгорбилась, руки натруженные на непогоду ломит, да он сам не признаётся, не жалуется... И про Марьюшку прав отец, а только не отпускает злость, бурлит внутри, огнём жжёт, дотла душу выжигает.

Не утерпел, снова пошёл к Марьюшкину двору, уже ввечеру, чтоб никто не увидал. Встал у плетня да укараулил, когда Марьюшка с подойником мимо шла, тогда и позвал тишком. Звал оставить мужа, с ним поехать, увезти обещался далеко, так, что никто не узнает!

Плакала тогда Марьюшка, да только головой качала. Так и сказала – мужа не оставлю, дети у нас, а ты... помнись буду, но больше не приходи. Дело прошлое, не сложилось.

Ушёл Ивар. На другой день собрался и уехал, отцу не сказался, тот в кузне был, так Ивар туда и не заглянул. Не мог глядеть, как новый помощник молотом машет, тем самым, что ещё недавно в Иваровых руках гудел.

Уехал Ивар, и с его отъезда прошло ровно сорок дней, беда случилась у Марьюшки – доченька умерла, шла по двору девчоночка, вскрикнула, да и упала замертво. Горе пришло в дом... Почернела Марьюшка, а после и от бремени разрешилась, да не дышал младенчик... Долго ходила Марьюшка на погост, деток своих проведать, два маленьких холмика оплакать.

А через полгода не стало и Василия, осталась Марьюшка вдовой, в юные свои годы, всю семью схоронила, от горя и слёз уже и дышать не могла, а судьба чёрным вороном продолжала её клевать. Не стало матушки Марьюшкиной, болела она долго, да так и не оправилась, сгорела, словно свечушка.

А между тем в деревне поговаривать начали, что чёрное проклятье на Марье, потому как одна из всех осталась, и смерть над нею смеётся, а к себе не берёт.

Под Рождество, когда морозы стояли суровые, старый кузнец помер, никого не осталось у Марьюшки, стояла она на погосте, да и грешным делом думала, не пойдёт уже домой, здесь и останется, где все родные и любимые лежат. Завилась снежная метелька, и в мороке или беспамятстве она была, а явился перед нею Ивар.

- Тяжело тебе без меня, а всё потому, что без любви ты жила! Предала меня, тем и себя предала, душу свою пустой сделала! Идём со мной, я тебе помогу. Всё забудешь, что раньше было, сердце болеть перестанет.

Поглядела Марьюшка на могилы мужа, деток, да и пошла домой, не глядя на Ивара, и посулов его не слушая. Кричал он, звал, да не дозволялся.

Стала жить одна Марьюшка, люди вроде и позабыли байку ту про чёрное проклятье, да о ведать стала Марьюшка. Откуда такое знала, а только если где ребёночек хворал, приходила Марьюшка сама. Первый-то раз не пустили её, чуть не побили и со двора прогнали, а в другой раз обошлось – вошла, пошептала что-то, и оздоровел ребёночек, ничего, выправился. Тут уж сами стали звать, при случае, да в благодарность кусок какой давали, тем она и жила.

Говорили люди, что видят иногда, жарким полднем, как в поле стоит Марьюшка, а перед нею женщина в зелёном, неместная чья-то. Сказывали, ведьма лесная Марьюшку учит премудростям своим, да народ на выдумки скор.

Ничего, чуть оправилась Марьюшка, хотя разве от такого оправилась, скорее глаза смогла поднять от земли. Радовалась, когда помочь могла кому-то, светлела лицом. А ведь молодая, в самом соку, да красивая!

Поглядывали, бывало, мужики, кто вдовый, да и парни глаза пялили, тоже было. Сватали раза три, кто посмелее, да ни с чем сваты уходили. Уж и батюшка с церкви тутошней приходил, разговор завёл, мол, не смущай мужиков, взамуж иди, выбирай кого посправнее, пока ещё не стара. Рассмеялась Марьюшка, проводила его со двора. Погрозил тот, мол, уж тебе, мужикам головы морочить! Да что сделать, супротив воли не пойдёт, так и не заставишь.

Сколько годов прошло, нам того неведомо, видать оттаяло чуть стылое Марьюшкино сердечко, стал к ней кузнец похаживать, тот, который в выучениках у старого-то кузнеца был. Захаром его звали... Мужик уж видный, не парняга, и собой хорош, и статью, и умом не обижен, девки заглядывались, а он – вишь как, к Марьюшке как-то прикипел.

Долго она думала, а после согласие дала, пошла за Захара. Зажили они, а у кузнеца словно бы дар открылся, ведал он железо так, как и старый кузнец не умел. Однако не ведал никто, что кузню и дом свой Марьюшка обережным кругом обнесла, этому её та женщина научила, что приходила к ней в солнечный полдень на Купала.

И никто не видел, даже того Захар не ведал, что приходил снова к Марьюшке Ивар, уже в силе своей и новой стати, и теперь не звал оставить мужа... Сказал только, что никогда не простит её за предательство, за то, что отказала ему, Ивару, и простому мужику сердце своё отдала!

- Знай, Марья, снова ты слезами умоешься! Горек твой век будет, и счастье коротко – моими стараниями все, кого ты любишь, в землю уйдут! Два вдовьих озера наплачешь, и два малых, по детям своим...

Прокляла его тогда Марья за смерть своих детей, да не уберегло её даже это – не прошло и году, загорелась сама собою кузня, а с нею сгорел и Захар. Словно вихрем огненным смело, а люди стали рассказывать, что видели страшный образ, на пригорке стоял человек с посохом, смеялся и от того смеха выше взметались искры над кузней.

Не плакала тогда Марьюшка, на погосте стояла молча, а после пропала. Не стало её, как и не было, в избе всё нетронуту осталось, хотя бабка Сумориха видала, дескать, как ушла Марья в поле с малым узелком, да там и пропала. Будто закружило её зелёным вихрем, пылью замело, и не стало Марьюшки.

Дед Касьян замолчал, да и Куприян не мог и слова вымолвить после его рассказа. Это была та Марья, которой Ларион служил, и значит... сгубил её тот, кого люди звали Зелёным Дедом и Хозяином леса, значит это он призвал тогда чёрную Зиялат, что растила гадье племя в страшной низине!

- После избу Марьину кто-то прибрал себе, семья одна, чего дому пустовать, много добра там не было, но вещицы хорошие всё же нашлись, - снова заговорил дед Касьян, - Среди прочего, полотно там в сундуке, платье новое, украшения, что в кузне умельцы ковали. И зеркала нашли, за сундук оно закатилось, простенькое, небогато и украшено, девчоночка его

прибрала, да так полюбила, что всё время в него и гляделась. Мать осердилась, зеркальце забрала, да выбросить жалко стало. Когда на ярмарку поехали, мать девчоночки и продала зеркальце первому встречному, а то оказался коробейник, не нашинского роду-племени, он и взял.

- Это значит, что теперь это зеркальце..., - начал было Куприян, но замолчал, - Дедо, а что же в нём примечательного? Зачем его ищут, и... кто?

- А нешто сам не чуешь? – усмехнулся дед Касьян, и глаза его синие словно две льдинки блеснули.

- Силу его чую, но не могу понять, какая она, - признался Куприян, - И не зло, но и не добро...

- Верно, не зло, и не добро, да это как рассудить. Прокляла Марья Ивара, а в зеркальце том сила эта сокрыта, и уж не знаю я сам, насколько правда – только слышал я, если только взглянет Ивар в то зеркало, тут и сгинет. Так как ты думаешь, кто это зеркальце ищет?

- Ивар и ищет! Хочет спрятать, или ещё что, чтобы не опасаться больше, - вздохнул Куприян, - Дедо, но ведь как – он Хозяином леса стал, его стезя – хранить, оберегать, от зла защищать.

- Это верно, да только если раз на уговоры злые поддался, на посулы льстивые, то на обратный путь встать мало кто сможет. Будь ты простой человек, или ведающий и Дар несущий. Ивар не смог... сгубил он Марью, думал, душе легче станет, а она ещё сильнее во мрак погрузилась. И слышал я, теперь он собирает силу... хочет Марью вернуть... а ты сам знаешь, кто вместо неё в наш мир оттуда явится. Для того и пришло к тебе то зеркальце, и предстоит тебе путь такой, что не каждому под силу.

Куприян молча глядел в окно. Рассвет уже разгорелся, солнце золотило резные вершины елей. Всё он понял, и не было страха в его душе... только вот... сладит ли, сдюжит ли?

Глава 9.

- Ну вот, теперь уж не поломаётся, доедете, - говорил дед Касьян, удовлетворённо оглядывая повозку.

Утром добыли её из сугроба, приладили новую оглоблю и упряжь, вычистили из повозки набившийся везде снег, колёса укрепили. Можно было ехать, но дед Касьян поглядел на небо, что-то там бормотал, и сказал:

- Завтра по утрам и отправитесь, я Севко взнуздаю, да вас до большой-то дороги провожу маненько. Нонче к вечеру метель начнётся, лучше уж у печи пересидите. Баньку опять же налажу вам, чтоб уж как следует, с парком да веничком!

Куприяну показалось, что дед Касьян даже с какой-то тоской говорит это, видать всё же несладко одному в зимнем-то тереме. Душа человеческая завсегда к людям тянется...

Сам Куприян теперь уж и не переставал думать про всё, что рассказал ему дед Касьян... видать неспроста ему в последнее время в Лавке на полках попадались книги про лесных ведьм, вещаниц и мавье племья.

Сперва Куприян думал, что это он сам как бы притягивает, потому что всё время думал про покойную Марью, про Лариона, Белого Воина в обличье Волка, и про ту девушку, Анну, что явилась ему то ли во сне, то ли в мороке.

Вот и теперь, растянувшись на банном полке и вдыхая аромат берёзового веника и горячей соломы, он думал про Ивара... Это же какое чёрное сердце надо иметь, чтобы погубить Марьиных детишек! Как же можно так любить человека, и одновременно выжигать ему сердце, по крупинкам убивая душу.

Куприян закрыл глаза и вспомнил, как разглядывал то самое зеркальце, Марьюшкино, и порой виделось ему, будто зелёный вихрь кружит где-то там, в самой его глубине. Теперь он знал, что заключила Марьюшка в том зеркальце, и однажды придёт время, этот зелёный вихрь вырвется из заключения, и тогда Ивар сполна расплатится за свои злодеяния.

Дверь распахнулась и в клубах пара появился Ермил, на ходу скинув рубаху он ухнул на себя ковш воды и забрался на полку.

- Ох, парок у деда хорош! Я озяб маленько, теперь косточки напарю!

- Ты чего припозднился? – лениво спросил Куприян, - Я уж давно тут...

- Да я в повозку поклажу укладывал. То, что ты собрал, родне-то подарить, и что Сидор Ильич своим передал. Дед Касьян сказал, завтра раненько поедем, чтоб до дороги добраться, и к вечеру до постоялого двора доехать. Уж поди хватит с нас приключений, делов полно! Давай веник, париться станем!

Баня и вправду хороша была, голова лёгкая, тело словно заново родилось, как сказал Ермил, чем рассмешил Куприяна. А в избе и самовар готов, дед Касьян расстарался гостей приветить.

- Ты, Куприян, вот что, - сказал дед Касьян, когда Ермил забрался на полати, устало вздохнул и засопел, - Себя побереги и на рожон не лезь. Всё, что ты ранее ведал, оно, конечно, полезно для твоего дела, но теперь... Непрост Ивар, Зелёный дед, не просто так он у старого-то ведуна учился, а когда душа его почернела, все свои знания да уменья он в угоду злу применяет. Может сам того не ведаёт, а только теперь не сам он собою владеет, чёрному злу в рабы попал. Думает, что обуздал его и зло теперь ему служит, но это не так, в аккурат наоборот получается. Зло его ведёт, толкает, свои у него цели, и они стары, как самая жизнь. Гордыня не даёт Ивару это понять, чёрной змеёй внутри сидит. Потому и идёт он чёрной дорогой, а ему видится иное... Погляди, как лес-то корёжит и ведёт, а всё потому, что Хозяин теперь не ему служит. Иное у него на уме. Потому ты, Куприян, голову горячую свою охолоди, примечай да приглядывай, лес, он ведь живой, и живёт с той поры, когда людей на этой земле ещё и в

помине не было. И вот что... ежели помощь моя когда тебе занадобится, подойди к любому дереву да скажи: «В зиму гляжу, деду Касьяну слово скажу». Тут я и буду тебе на помощь.

- Благодарствуй, дедо, - сказал Куприян и вздохнул, - Только вот...

- Расскажи, Куприянушко, что душу томит, авось подскажу.

- Боязно мне, дедо. И не того лиха я боюсь, что на роду мне написано принять, я боюсь не сдюжить, слабину дать... Ведь ежели что, какая страшная беда всем грозит, сколько людей погибнет, и я в том буду повинен!

- Этого ты не страшись, свою стезю ты принял, и честь смолоду блюдёшь. Нешто один ты встанешь на пути-то, чтоб зло в мир не впустить? Вот то-то и оно! Страх душу ослабляет, а потому – гони его от себя, Куприянушко.

Утром спозаранку выехала повозка из подворья деда Касьяна, Куприян в добром кожухе, валенках и лохматой шапке снова сидел на облучке, в повозке, возле горячей жаровни с угольями, сидел Ермил и что-то недовольно ворчал. А недовольство его было вызвано тем, что снова его в повозку посадили, когда он сам править хотел.

Дед Касьян на своём мохноногом Севко проводил их до большой дороги, и в этот раз они добрались до неё без приключений, там, на перекрёстке и распрощались. День был солнечный, морозец приятно охлаждал щёки, коники резво перебирали новенькими подковами, дорога шла мимо высокого бора и теперь Куприяну уже не казалось, что из-за кустов на них глядят чьи-то злые глаза.

После они с Ермилом поменялись, к вящему удовольствию последнего. Куприян слез с облучка и забрался в повозку, стянул рукавицы с озябших рук, закутался в овчину и стал греться возле жаровни. А уголёк-то у деда Касьяна хорош, такого Куприян раньше не видал, видать знает дед какую-то словинку на это дело! Эвон как долго горит, и жару даёт не в пример того, который они с Ермилом из дома-то взяли.

Сморило его быстро, сам не заметил, как заснул. И снилось ему дивное, белое море, не заснеженное, а Беловодье. Сверкало солнце, отражаясь в этой воде, а чуть вдали, на широком острове стоял белый терем, а у его дверей на скамье сидела женщина. Очень красивая и грустная, из глаз её текли слёзы, и скатываясь по щекам капали на землю. От этих капель вырастали тут же белые цветы...

- Просыпайся, Куприян, приехали! – Ермил потряс товарища за плечо.

Куприян открыл глаза, они стояли у ворот постоянного двора, над ними раскачивался на ветру фонарь, хозяин уже спешил открыть путникам ворота. Куприян знал его, ещё когда с батюшкой ездил из Киселёво в Тверь, они здесь останавливались. Жена хозяина пекла ситный хлеб, очень вкусный, видать с хитринкой какой тесто заводила.

- Входите, входите поскорее, - почему-то торопил хозяин, поглядывая за ворота, - Заводи коней, я ворота запру.

Куприян удивился, раньше ворота до поздней ночи держали открытыми, а теперь вон как... он тоже посмотрел на дорогу, откуда они только прибыли, и туда, куда им завтра предстоит направиться. Пустынна дорога, никого не было, сумерки уже сгустились, и от леса наполнила ночь, ясная, обещающая расцветиться звёздным ковром и ярким молодым месяцем.

- Что, Прокофий Кузьмич, - Куприян помог хозяину постоянного двора завести коней, - Нешто боишься кого, ворота запер?

- Время позднее, путников нынче немного, вот и запер. Ступай в дом, Куприян, я тут сам управлюсь. За коников не беспокойся, помощник у меня старательный, всё сделает.

Куприян с Ермилом переглянулись и пошли в дом, где их встретила радушная, но немного бледная хозяйка, Катерина Фёдоровна. Её дочка, румяная пышненькая Глаша подала гостям чистый рушник и отвела умыться, поливая на руки тёплую воду с душистым отваром.

Когда их усадили ужинать, вернулся со двора Прокофий Кузьмич, закрыл ставни на окнах и сел к столу, жена поставила перед ним кружку горячего киселя.

- Комнату вам приготовила, - сказала хозяйка, - Ежели что ещё желаете, прошу, без стеснения.

- Хорош пирог у тебя, хозяйюшка, - сказал Куприян, - Благодарствуйте, хозяйева, за хлеб-соль, а нам с дороги только отдохнуть да поспать, по утру дальше ехать.

- Благодарствуйте и вы на добром слове, - с поклоном ответила хозяйка и глянула на мужа, который ей едва заметно кивнул.

Катерина Фёдоровна ушла, а Куприян доел ужин и сел рядом с хозяином, к большому камину.

- Что за напасть у вас случилась, Прокофий Кузьмич? На супруге твоей лица нет, да и дочка напугана...

Прокофий помолчал, а потом оглянулся на ещё одного постояльца, который ужинал в другом углу стола. Склонился к самому уху Куприяна и прошептал:

- Не спит которую ночь Катерина моя... уж и батюшку звали, и всё прочее делали. Батюшка окропил помещение, а после подобрыв рясу бежал по дороге так, что только мы его и видели. Ничего это Катерине не помогло... Сидит всю ночь в углу комнаты с иконой в руках, да только этим, наверное, и убереглась покуда. А на нас всех словно находит что, спим, ничего не слышим, она уж и кричала мне, а я ничего не слыхал, сон какой-то... провалился, ничего не чуешь. К ней мертвяк приходит, и против Катерины становится, рычит, рот открывает, на образа скалится, подойти не может... Не ко времени вы приехали Куприян, потому я тебе скажу – коней ваших я не распряг ещё, хотите, поезжайте в село, до полуночи поспеете. Не могу вам обещать, что завтра к утру живые останетесь!

- Нет, у тебя заночуем. Ты поешь сам, Прокофий Кузьмич. А мне дай- ка соли.

- Соли? Дак вон стоит, на столе, бери.

- Нет, этого мало.

- А сколь тебе надо-то?

- А сколько есть, всю давай.

Удивился Прокофий, но что-то такое явилось ему в Куприяновых глазах, что махнул он рукой, да в клеть пошел, где мешок с солью у него хранился.

Глава 10.

- Ложись спать, голубушка, ни о чём не тужи и не страшись, - говорил Прокофий жене, а сам был бледнее полотна, - Не тужи ни о чём, мы нынче ни за что не заснём, станем тебя охранять. Дверь ты не запирай, чуть щелочку оставь, и свечушку не гаси.

- Что ты, Проша, нет, я спать не стану! – Катерина заплакала, - Я уж и смерти не страшусь сама, да вас жалко, как вы с Глашенькой-то... кому она, сиротинушка, нужна будет! А нечистый как со мной сладит, ну как за вас примется?! Нет, посижу я, ничего. После первых петухов досплю немного, и ладно.

Прокофий не стал на жену наседать, поглядел на Куприяна, а тот ему едва заметно кивнул. Катерина ушла в светёлку, но как и велел муж, оставила дверь чуть приоткрытой и свечи не гасила.

Куприян с Ермилом сидели у камина в большой комнате, где кормили путников, Глаша заперлась в своей светёлке, а молодой помощник Прокофия Савва, который не так давно у него работал, спать пошёл в амбар, отпросившись у хозяина.

Прежде чем уйти, Савва перекрестился на образа и как-то нехорошо на приезжих глянул. Подошёл к Прокофию и тихо зашептал, но Куприян всё равно услышал, что говорит Савва хозяину постоянного двора.

- Гнать надо этих, зачем ты им доверился, Прокофий? Они сами, вон, погляди... Может они и напустили нечистого на нас, тьфу, напасть! Не приведи Бог! А теперь вон как, избавителями явились! Может и помогут, а может и нет, да вот только кошель береги – сдерут с тебя за помощь-то!

- Ступай-ка спать, Савва! Господь с тобой, благослови тебя на сон грядущий! – негромко ответил Прокофий и строго глянул на парня.

Савва только головой покачал, но не ослушался, снова перекрестился на образа и пошёл в амбар, что-то бормоча себе под нос.

- Что, Куприян, и вправду думаешь, что теперь-то мы не заснём? – с недоверием спросил Порфирий, подбрасывая поленья в очаг, - Нешто сладить? Ежели так, то я век свой весь стану за тебя молиться, ни в жисть не забуду! Ведь как страшно Катерине, а я...

- Расскажи, Прокофий Кузьмич, всё расскажи, - сказал Ермил таким голосом, что Прокофий вздохнул, вроде как и легче ему стало, - Не думай, мы тебя за умалишенного не примем.

- Началось это не так давно, опосля Покрова, - помолчав, начал свой рассказ Прокофий, - Тогда Степана Курицына схоронили, да как полагается – за погостом. Вишь ли, не своей он смертью-то помер, век свой не дожил, в овине повесился. Уж чего так он... никто не знает. Вроде и дом – полная чаша, жена – красавица на сносях, уже детишек есть четверо. Родители ещё не старые, в силе, помогают, братья недалече, через улицу живут все, крепкий род-то, справный. А вот по осени на охоту Степан любил хаживать, и без добычи не вертался, уменья у него довольно было, и ружьё доброе, новёшенько! Ну, раз ушёл, два, всё добычу домой тянет, а после пошёл, да и запропал. Жена его в слёзы, мать и того пуще воет, отец чернее тучи. Искали, конечно, а как же! Мужики собрались, снега тогда ещё немного было, землю не покрыло ещё, только и всего, что заморозок под ногами хрустит. Ни следов не нашли, ни самого Степана, как в воду канул. А после, как снег лёг, воротился Степан, живой-здоровый, сказал – заплутал, ногу чуть поранил, да набрёл на избушку махонькую, там и был, пока нога заживала. Как смог, так обратно и вернулся. Ох, радости было! Всем семейством пировали. И только бабка старая Захариха, которая у околицы живёт, к отцу Степанову подошла, да и говорит: «Страшная цена будет тобой плачена за то, что ты попросил! И не в прок будет, ты сам знаешь!» Осердился тогда отец Степана, Захариху со двора прогнал, да она правду ему тогда сказала, не зажился на этом свете Степан, раз по утру пошла жена скотину управлять, да и нашла Степана – в овине

висит, уж остыл. Ну, горе такое одно не пришло, Степанова жена мёртвое дитя скинула, сама едва не отошла, да та же бабка Захариха её кой-как выходила. Ну а после и у нас горе такое случилось... Вишь ли, Катерина моя роднёй Курицыным-то приходится.

Прокофий встал и поправил фитилёк в лампадке под образами, руки у него дрожали, да и сам он трясся, словно бы от мороза. Снова сел к огню, отёр лицо, как от морока будто, и стал дальше рассказывать:

- Первый раз мёртвый Степан явился к нам, так Катерина тогда чуть от страха не померла, два дня лежала, ноги отказали. А я и не слышал ничего! Ни я, ни Савва, а он-то в доме спит вон там, возле кухни, если кто в дом зайдёт – ему слышно, мимо не пройти. А тут – не шелохнулся, так спал. И Глаша ничего не слыхала, вот дела-то какие! Я утром проснулся, Катерина едва дышит, крестом убереглась, нательным, в руке держала, вот видать и спаслась. Я гляжу – дверь в дом открыта, засов откинут, и грязные следы по всему полу, от входа и до Катериной светёлки, как он, значицца, шёл. Комья грязи вперемежку с червями, кой-как вычистили, после окропили сами, помолились все. В другую ночь я вот тут, у двери, караулить сел с Саввой вместе, да снова без толку. Как мёртвые оба с ним и спали на лавке, а мертвяк снова к Катерине приступает, та уж на ночь-то икону Богородицы в руки взяла, так и сидела, не ложилась, лампадку на столе зажгла, вот он, Степан-то, явился и стоит в углу, где мрак, а в круг от лампадки светлой ступить не может. Воеет, рычит, рукой чего-то показать хочет, а из него уж черви сыплются, пальцы на ниточках кожи висят, чёрные. Ох, сам говорю, а душа стынет! Как моя Катериночка это сдюжила, одному Богу ведомо!

Прокофий помолчал, глянул на часы в углу, уже скоро и полночь, нахмурился, и продолжил свой рассказ.

- Батюшку позвали потом, ну, тот, конечно, окропил всё на совесть, молебен отчитал, сказал, что нам испытание за грехи наши дано. Призвал молиться, жертву подавать щедрую, в грехах каяться да на исповедь ходить. Мне велел сорок дней молитву читать усердно, Катерине – и того больше, год молиться о грехах своих. Сказал так, да и за дверь. Я гляжу – ему дышать тяжело, лицо покраснело всё, словно душит его кто-то. Ну и припустил он бегом по дороге, рясу подобрал, да и бежит, что твой олень от охотника. И ничего не помогло, два дня прошло – снова пришёл Степан, в этот раз у него уж и голова на груди висит, он её руками держит, да я сам не видал, только Катерина сказывала... а на нас на всех снова сон такой напал, хоть из пушки стреляй! Я и к Захарихе ходил, грешен, что уж. Помощи да совета просил, да она сама едва жива от страха...

- Что же она сказала? – Куприян тронул Прокофия за рукав увидев, что тот вроде и присыпать стал, - Не спи, Прокофий.

- А? Ох, ты... Да, бабка Захариха сама боится, сказала – сила завелась в наших краях такая, с коей корешками да травками ей не сладить, свой двор, и тот уберечь не может, корова вон пала... да не просто так, а кровь из неё выпустили кто-то. Сказала, что отец Степана сильно согрешил, когда сын-то пропал. Пошёл он к тому, кто помочь хоть и может, да помощь та не в прок будет, и плату за эту помощь такую отдашь, что лучше бы и не было ничего... Дала мне Захариха тогда порошка какого-то, сухой травы и золы смешала, велела на пороге насыпать, я так и сделал, а толку нет, Степан ходит и ходит. Захариха сказала – он жизнь тянет из Катерины, и покуда всю не вытянет, будет ходить. Мертвяку на Катерину тот указал, кто призвал... то есть сам Степанов отец, он и указал, чтобы от своей семьи отвести такую-то напасть. Я хотел было идти прибить старика, да Катериночка остановила, дескать, злом на зло не отвечай, и без того его много. Да и что, говорит, толку, старика бить? Обратно уже не повернуть, всё... Видать такая кончина на роду написана! Одно только не ведомо отцу Степана – после и за ними станет ходить мёртвое племя...

Часы пробили полночь, и тут же Прокофий голову на грудь свесил, словно помер. Ан нет, Ермил глянул, и с удивлением кивнул Куприяну:

- Спит! Глянь, ну верно, так и есть, спит! И как это так, вот как полночь пробило, тут его и сном, словно косою скосило.

- Пусть спит, не буди. Ему так лучше будет, - ответил Куприян своему товарищу, - После такого долго заснуть не сможет, чего сегодня увидеть мог. Пусть спит, а мы, давай-ка, за дело станем приниматься.

Куприян торопливо пошёл в клеть и достал оттуда мешок с заговорённой им самим солью, Ермил тут же прихватил большой куль, из которого торчали еловые ветки, он их сам нарубил сегодня днём, как велел ему Куприян. Теперь он вышел с этим кулем на двор и огляделся.

Ночь была светлая и звёздная, как на заказ! Ясный месяц поднялся над лесом и освещал двор, и ворота, и дорогу, ту, что уходила от ворот до села, и ту, что приходила из леса. Пусто было в обеих сторонах, подумал Ермил, и стал доставать из куля еловые ветки, укладывая их у ворот.

Скоро к нему подошёл Куприян, он уже обошёл весь двор по кругу, шепча что-то себе под нос и рассыпая соль какими-то знаками. Теперь это делать ему было и вовсе легко, он не думал, просто делал, и словно кто-то вёл его руку и его самого, а он только благодарно кивал.

- Сколь осталось-то? – спросил Ермил, кивнул на мешок с солью, который Куприян к себе на плечо приладил, - Двенадцать-то фунтов осталось?

- Поболее осталось, - тронул мешок Куприян, - Всю изведём, чтоб наверняка. И у ворот рассыплю тоже, отойди немного.

Ермил чуть отошёл, потом положил свой куль на снег и достал из кармана гвоздь. Он был старый, но ржа не тронула его ни единым пятнышком.

- В гвоздильне делали, в Пригорье, - сказал Ермил, увидев, что Куприян глядит на него с удивлением, - Когда мы с тобой ходили бейсойя побивать, мне его девчонка дала, Маняша. Я тебе не сказал, приберёг, тогда мы и без него сладили. А теперь вот видать время его и пришло.

Ермил достал молоток из своего валенка и стал вбивать гвоздь в воротину. С каждым его ударом словно бы волна проходила по округе, будто кто-то невидимый стонал от боли.

Когда они закончили, Ермил поднял куль с ельником, и тут они оба увидели, как со стороны погоста по дороге ковыляет нечто... ноги и руки у него дёргались, словно он был куклой на ниточках, голова моталась из стороны в сторону, била его по плечам...

Мертвяк катился так, словно его подгоняет что-то, он уже был совсем недалеко от постоялого двора, где у ворот стояли Куприян с Ермилом.

Глава 11.

- Ну и страхота! – покачал головой Ермил, оглядывая несуразную, словно бы собранную по частям фигуру, хотя в его голосе не было страха, скорее удивление и интерес, - И как он так идёт, когда у него коленки назад выпадают! Ну дела!

Мертвяк и в самом деле был страшен, а Куприян подумал о Катерине... это ж каким духом надо обладать, чтобы еженощно сидеть без сна и такое перед собою видеть!

Меж тем мертвяк шел, будто его на верёвке тянули, вскоре он оказался у самых ворот постоянного двора. Куприян с Ермилом чуть посторонились, давая ему дорогу, а сами стали глядеть, что будет дальше.

Мертвяк как шёл, так и шёл, не сбавляя ход, видимо раньше воротины просто распахивались перед ним, каким-то образом и засовы не удерживали ворота запёртыми. Но сейчас незванный гость словно ударился о невидимую ограду, всем телом ударившись о воздух всего-то в паре локтей от воротины.

Отшатнулся, придерживая почерневшими руками свою голову, которая болталась уже на груди, потом снова наскочил на ворота так, что округа загудела от удара. Невидимая преграда не пускала нечисть во двор.

Куприян из любопытства тронул только что вбитый Ермилом гвоздь, он был горячий и словно даже пульсировал. Именно от него шла та самая преграда, которая остановила незваное зло, не пускала его тянуть жизнь из живых.

Мертвяк снова и снова бился, пытаясь войти во двор, кости его громко хрустели, что-то тошнотворно хлюпало, ошмётки плоти разлетались в стороны.

- Что, до утра теперь так станет колотиться, пока не рассыплется? – спросил Ермил, - Холодает, стоять-то зябко! Давай уж управим его, куда нужно, да и пойдём досыпать!

- Обожди, я хочу проверить, - ответил Куприян, - Не по своей же воле он вот так бродит.

Мертвяк остановился, перестал биться, и словно стал приноживаться, отпустил свою голову, которая повисла чуть не до пояса на вытянувшейся коже шеи. Выставив руки вперёд, он стал шарить, шарить, пошёл влево, после вернулся, чуть не наткнувшись на стоявшего у ворот Куприяна. Тот отступил к самым воротам, и его словно тёплой волной укрыло. Мертвяк шёл вдоль забора, ощупывая пустоту и везде натываясь на невидимую стену.

Куприян шёл за ним, ступая по снегу, наметено было много, чуть не до верха высокого Куприянова валенка. Нитка черного следа с комьями грязи оставалась за мертвяком, сам он всё сильнее шатался, но вдруг остановился и стал тыкаться в забор. Позади дома забор был не так высок, низенькие ворота, через которые выводили телеги с лошадьми по хозяйской надобности, когда постоялый двор был забит постояльцами, забор тоже не тесовый, попроще.

Куприян понял, куда глядит мертвяк, как раз сюда выходили окна дома. В одном виднелся тусклый свет лампадки, это была светёлка Катерины. Мертвяк поднял руками свою голову, словно стараясь поглядеть туда, в окно, затянул выть, тихо и жутко.

Куприян нахмурился, нужно было справлять дело. У Катерины и так сил немного уже осталось, того и гляди сама следом за сродственником отправится!

- Серебряным ножиком, железным гвоздиком, нити разрываю, в земле закрываю, - зашептал Куприян, глядя на мертвяка.

Подняв руки, Куприян словно бы рвал невидимые нити, тянувшиеся от мертвого Степана к дому, туда, где была его жертва. Мертвяк завыл, рот его широко открылся, кожа на лице начала лопаться.

Куприян продолжал говорить голос звучал всё громче, он водил руками, выписывая одному ему ведомые знаки, и от этого в свете месяца вспыхивали белые искры.

Из мёртвых глаз потекла чёрная кровь, мертвяк обмяк и при последних словах Куприяна, осел на снег. Вокруг Куприяна снег заискрился сильнее, словно вобрав в себя лунный свет, он становился всё белее и белее, слепил глаза, заливая всё вокруг.

Куприян прикрыл глаза ладонью прислонив её ко лбу, а когда свет чуть побледнел и стал не таким ярким, он увидел перед собой вместо мертвяка грустного и растерянного человека средних лет с лиловым рубцом вокруг шеи.

- Степан, слышишь меня? – спросил негромко Куприян, не желая пугать и без того несчастного человека, неприкаянную душу, чьей-то злой волей не нашедшую покоя.

- Слышу, - эхом прошелестел негромкий голос, словно Степану было трудно говорить, он потёр шею, там, где шрам от верёвки был, - Кто ты? И... где я? Где моя семья?

- Я Куприян Рукавишников. Мы с моим товарищем хотим тебе помочь. Что ты помнишь?

- Я... я..., - Степан хмурился, и весь искрился в свете месяца, - Не помню... темноту помню, и холод, и ещё женщина... она молится и не плачет, а мне надо, чтобы она заплакала, мне приказали! И чтобы она взяла острый серп, и... и... Когда она его воткнёт себе в горло, меня отпустят! Я хочу домой! Где моя жена? Она... должна родить вот-вот, мне надо домой! Пустите меня в этот дом, и потом я уйду!

- Ты не всё помнишь, Степан, - сказал мягко Куприян, - Я сейчас дам тебе кое-что, ты возьми... и всё вспомнишь, тогда и решишь, что делать. И надо ли тебе в этот дом.

- Пустите! – рассердился Степан, - Ты не знаешь! Он всех погубит, детей моих, всех! Мне надо в дом! Отпусти, сними белый круг! Он проведёт меня!

- Не могу. Доверься мне, мы тебе поможем, на, возьми! – Куприян достал из кармана небольшую фигурку, она была вырезана из корня ели и похожа на маленького человечка, - Это твой проводник, он доведёт тебя, чтобы тебе было покойно... и ты не станешь больше ходить тут, мёртвым...

- Я не умер! Что ты говоришь! – закричал Степан, и от этого все белые искры, покрывавшие его, осыпались, и он снова стал таким, каким пришёл к постоялому двору.

Кожа лопалась на руках и лице, обнажая белые кости, покровы ползли вниз и закипали на костях кровавой пеной, рот разверзся в огромную пасть, он кинулся сперва на Куприяна, стоявшего прямо перед ним, но со звоном ударился о невидимую стену.

Тогда мертвяк повернулся к дому, кинулся на забор, стал выть и говорить какие-то непонятные слова, от этих слов в доме распахнулось окно, в нём показалась Катерина с серпом в руке, она глядела в ночь безумными глазами. А мертвяк выл всё громче, но всё равно не мог пробиться через заслон, который Куприян сам поставил вокруг дома знаками из заговорённой соли. Позади Катерины, там, в доме, возник Ермил и схватил Катерину в охапку, оттащив от окна, тогда мертвяк остановился...

Он повернулся к Куприяну, облик его изменился, он стал пристально смотреть на парня... А Куприяну показалось, что где-то он уже видел этого старика, который глядит теперь на него через мёртвые Степановы глаза.

- Ты думаешь, сможешь сладить со мной, жалкий человечиска! – прогудел голос, он прошёл по округе, по лесу, встревожив и согнув верхушки бора, - Ты слаб, и кто ты есть против меня! Ты даже с этим куском мертвечины не сможешь сладить! Поощажу тебя, если принесёшь мне мою вещь! Ты знаешь!

Старик исчез, и тут же неведомая сила подняла в воздух мёртвое тело Степана, швырнув его прямо в Куприяна. Обережный круг на новый месяц, который поставил Куприян, чуть задержал удар, но всё же рассыпался, Куприян упал в снег, его придавило смердящей плотью, не поднять! Дышать было тяжело, его словно вдавливали в снег, глубже, глубже, вот уже и земля расходится под ним, и увязает в ней Куприян...

- Эй ты, гляди, чего у меня есть, - где-то рядом раздался голос Ермила, и Куприян так обрадовался, что изо всех сил толкнул навалившуюся на него мёртвую плоть.

Мертвяк поднял на Ермила подёрнутые белёсой плёнкой глаза, в руках Ермил держал верёвку, связанную петлёй... такую самую.

Мертвяк затрясся, но Куприян в это время выбрался из земли, Ермил кинул ему петлю, и Куприян набросил её на мертвяка, тут же затянув его поперёк груди. Тот затих, словно заснул, и тогда Куприян сказал ему негромко:

- Иди за мной! Дорогу мы тебе покажем, обратного пути по ней тебе не будет.

Ермил шёл впереди, кидая на землю нарубленный им еловый лапник, каждый раз, когда еловая ветвь падала на снег, мертвяк чуть вскрикивал, и шёл на неё, словно это был след. Куприян шёл за ним и собирал ельник.

Так дошли до перекрёстка, перешли через него и свернули в сторону погоста. Теперь идти стало вовсе трудно, поднялся сильный ветер, он рвал ветки деревьев, взметал снег, бросая его в лицо путникам, но Куприян с Ермилом словно этого и не чуяли.

За оградой деревенского погоста зияла разрытая могила, Куприяна передёрнуло, так жутко было... А мертвяк вскрикнул, будто дом свой увидал...

Ермил кинул в могилу последнюю ветку ели, она ударилась о землю так, словно была железная. Тут же из Степана словно дух вышел, он даже не упал, а осыпался кусками в могилу, которая сама собой закрылась.

Куприян с Ермилом стояли около холмика земли, темнеющего на белом снежном полотне, и не могли слова вымолвить.

- Такое не... не... не скоро забудешь, - заикаясь, едва выговорил Ермил, - Чтоб мертвец сам в могилу ук...ладывался... Кхе..

Куприян кивнул, у него самого во рту всё пересохло, но он вспомнил, надо дело доделать. И стал укладывать собранный по дороге лапник на могилку, когда положил последнюю ветку, словно вздохнул кто-то, и затих там, под землёй.

Глава 12.

Усталые ночные воины вошли в дом, Куприян был весь в грязи, Ермил тряся от холода, он не успел кожух накинуть перед тем, как выскочил на улицу, оттащив обезумевшую Катерину от окна.

- Эх, в баню бы, - отдирая от себя грязную рубаху, сказал Куприян, - У Прокофия всегда баня горячая, сейчас рассветёт, и пойдём.

Сам Прокофий так и сидел у камина, свесив голову на грудь и мирно похрапывая, что-то даже бормоча во сне.

- Так давай его разбудим, - Ермил тоже стянул с себя мокрую рубаху и завернулся в свой кожух, садясь поближе к огню, - Всё проспал! Вот любопытно мне, что бы Прокофий сказал, если бы всё это увидел, что мы сегодня справили!

- Не надо, не буди его, пусть спит до первых петухов, а мы потерпим, - сказал Куприян и тоже завернулся в кожух, усевшись рядом с Ермилом на пол у камина, - Катерину надо проверить, как она там.

- Спит она, сразу заснула, как только я серп у неё отнял, вон, на скамье в углу уложил, - Ермил кивнул в угол, - Не стал её одну в светёлке оставлять... думаю, там надо защиту ставить, как ты делаешь на дом, туда ещё... и в дочкину светёлку тоже. Мы нарушили цепку евойную, теперь ему надо всё заново начинать.

- Ты догадался, что он делает? – спросил Куприян, устало зевая.

- Я думаю, он плетёт вереницу, чтобы оживить ту, кого сам погубил из мести. За то, что не пошла за него, ни в первый, ни во второй раз. Не может отпустить Ивар Марью, хочет вернуть её душу в этот мир. Шесть по шесть душ сгубит сперва, потом ещё раз шесть чистых душ сгубит... После замкнёт круг и призовет Марью, а не прийти она уже не сможет. А кто придёт вместо Марьи, под её ликом, ты и сам знаешь. Погибель нашему миру, страшная, грозная. Уже приходила такая когда-то, косою души людские косила... собирала жатву...

Ермил зевнул, привалился к скамье и закрыл глаза. Куприян поплотнее завернулся в кожух и стал смотреть в огонь. Да, он знает, про что сейчас сказал Ермил, так и есть, всё верно... Видать не знал предшественник Зелёного Лесного Деда, кого он себе в выученики позвал! Силу узрел, а Дух... не разглядел, не смог угадать, кому силу своего посоха передаёт, кого оставляет хранить то, что ему доверено было.

Проснулся Куприян от того, что его кто-то за плечо трясёт. Открыл глаза и зажмурился, в окна заливался широкими полосами свет искрящегося зимнего солнца, утро было радостным и каким-то... иным. Что-то ушло с постоянного двора Прокофия, освободился дом и его обитатели от зла.

- Ну, Куприян Федотыч, друг ты дорогой! – Прокофий обнял Куприяна, расцеловал трижды, как на Руси водится, - Благослови тебя Господь, а я на век твой должник!

- Баню бы нам, - смутился Куприян, - Грязные мы...

- А как же! Готова банька, по белому натопил, расстарался, ступайте!

Прокофий проводил своих гостей в баню, сам пошёл дела справлять, а Куприян с Ермилом стали с наслаждением отмывать от себя ночную грязь. Пар был хорош, лёгкий и горячий, грязь отходила не только с тела, но и с души, благостно становилось, хорошо.

Отмывшись, они улеглись на полки, отдыхать. Со двора доносился звук топора, видать Савва дрова колот, а может это и сам Прокофий.

- Задержаться здесь придётся, - сказал Куприян, ведя соломинкой по воде в ушате, - Надо сходить к той бабке Захарихе, поговорить, может что подскажет дельное. Этот Ивар... он из этих мест родом, может Захариха знает что-то такое...

- да, видать на пару дней тут останемся, - с недовольством сказал Ермил, - Этак пойдёт, дак мы к весне до Киселёво твоего доедем!

Намывшись, они вышли в предбанник, там уже им были приготовлены чистые рубахи, хорошие, новые, тонкого полотна, с красной нитью по вороту, положенной красивым узором.

- Видать хозяйка расстаралась, - сказал довольный Ермил, - Хороша рубаха, полотно мягкое, будто живое.

Куприян вышел во двор, там и в самом деле Савва колот дрова, что-то недовольно ворча. Глянул недобро на Куприяна, воткнул колун в чурбак, да и ушёл за угол дома, сердито оглядываясь.

Неспроста он эдак-то, подумал Куприян, надо приглядеться к помощнику Прокофия, как бы не он тут озорничал, на потеху Ивару, а то и с его помощью! Тот на посулы щедр, может и на плату не скуп. Так что...

У ворот постоянного двора уже стояли три телеги, Прокофий хлопотал, принимая постояльцев, радовался – видать давно не было никого, да и не удивительно! Земля быстро полнится слухами, стороной это место люди объезжали, а ведь скоро в городе зимняя ярмарка будет, время такое, что можно и заработать.

- Прошу за стол, матушка зовёт, - подошла к Куприяну Глаша, девушка от смущения теребила кончик своей богатой косы, румянец снова вернулся на её свежее личико.

- Благодарствуй, красавица! – ответил Куприян и следом за Глашей они с Ермилом отправились в дом.

Катерина хлопотала по дому, она ожила, словно жизнь возвращалась к ней, наливались силой руки и ноги, глаза сияли радостью. Стол для Куприяна и Ермила она накрыла в хозяйской комнате, не в общей, где постояльцев обычно кормили. И с обедом расстаралась, сытные щи, каша с маслом, проголодавшиеся молодцы уписывали всё за обе щёки. Сил ночью много потратили, вот сейчас навёрстывали.

- Благодарствуйте, хозяин с хозяйшкой, - сказал Куприян, наевшись до отвала, - А что Прокофий Кузьмич, согласишь ли нам ещё два дни у вас погостить?

- А хоть бы и неделю, и месяц! Сколько надо, столько и оставайтесь, гости дорогие! Мы теперь почитай, что родня! А там как знать! – Прокофий хлопнул Куприяна по плечу и вдруг подмигнул дочке.

Глаша от смущения ещё сильнее залилась краской, вскочила, и стала помогать матери управляться, а Прокофий рассмеялся, но больше не стал ничего говорить.

Отдохнув после обеда, Куприян с Ермилом отправились к бабке Захарихе. Прокофий хотел было их проводить, насылался повозку запрячь да отвезти, но Куприян отказался, сами пошли.

Старенькая избушка бабки Захарихи стояла у околицы, чуть не по самые окна в землю вросла, а всё же не выглядела ветхой. На совесть рубили, с душой, потому и стояла долго, служа верой и правдой.

Куприян поднялся на крыльцо и постучал в дверь. Дверь тоже была крепкая, дубовая, на кованой петле, ни капли ржи на железе не видать.

- Хозяйшка! Дома ли? – позвал Куприян, постучав в дверь.

Ермил стоял у крылечка и оглядывал двор, он многозначительно глянул на Куприяна, а тот и сам понимал, непростая старушка здесь живёт, ведаёт она травы, на том и двор защищён, и изба эта. Только вот подбирается к ней тот, что силу забрать желает, для своего дела. И он посильнее старой знахарки-повитухи будет.

Скрипнула дверь и отворилась, на пороге показалась невысокая старушка в наброшенной на плечи пуховой шали. Она поглядела на гостей и кивнула:

- Проходите в дом, студёно нынче, а мне неможется на морозе стоять.

Куприян с Ермилом вошли в старую избу, хозяйка которой была ей под стать. Вроде бы и в годах, а глаза молодые, синие, такие ясные, словно в озеро глядишь. Она пристально оглядела незваных гостей, потом указала на скамью возле дубового стола.

- Я знаю, кто ты, - сказала она Куприяну, - И помощника твоего тоже знаю. Ты, Хранитель, не в добрый час появился на этой земле, да видать судьба твоя такая, привела тебя к нам.

- Бабушка, скажи, что знаешь про это... Мертвяк ходил на постоянный двор, из Катерины жизнь тянул, вот мы его управили, вроде бы и упокоили. Но ведь... не по своей он воле дела такие творил.

- Уж известно, не по своей, - хозяйка достала из печи горшок, в избе запахло мёдом и травами, она налила взвар в кружки и подвинула гостям, - Зло стало ходить по округе, ничего не страшась... А оно ведь как - только краюшечка ему попадись от слабости человеческой, тут и зацепится, а без этого ей тут не жить. Ну вот, беда тогда случилась, пропал в лесу Степан, доискаться не могли. Отец его, Панкратий, дюже по сыну горевал, сам в лес пошёл, так решил – сам сгинет или сына отыщет! Там и явился ему старик, сказал – верну тебе сына, только ты мне укажи, кого вместо него отдашь. Душа за душу, так сказал. Панкратий и указал тогда на Катерину, она им хоть и родня, а все же... Покойной сестры Панкратия дочка, вот он и решил – пусть лучше она, чем Степан... Слово дал, на своей крови клятву, а вон как вышло... Вернулся Степан, да долго такие не живут, пусто у них внутрях-то, будто нет души... вот и сотворил он с собой страшное, да тоже не сам, руку его вёл тот, кто отцу Степанову посулил... слово сдержал, сына вернул, так ведь надолго он и не обещался. Так и получил старик этот и Степана, и хотел теперь Катерину...

- А зачем ему это? Всё одно бы мертвяка как-то бы управили в могилу, - сказал Ермил, прихлёбывая вкусный взвар.

- Вы и сами ведаете, что ему нужно, Ивару... Марью он хочет вернуть, думает, у других раньше не выходило такое чёрное дело, а у него выйдет... сможет он зло обуздать да себе заставить служить... Гордыня – самый страшный грех... Потому и пытается он, как же всё сделать, и сколько ещё невинных для этого сгубит – это ему всё одно, без счёту душ готов он положить на этот свой алтарь.

- А скажи матушка, ты поди знаешь, как к нему подобраться, как сладить?

- Есть говорят вещица одна, да вот сгинула она давно. Если вам её добыть, может и сладите... да только вперёд голову бы не сложить вам, касатики.

Хозяйка помолчала в раздумье, потом достала из сундука свёрток в зелёном сукне, осторожно положила его на стол и развернула – там оказалась книга, старая, истёртая, в обложке из тонкой древесной коры.

Глава 13.

Старая знахарка долго листала порядком уже обветшалые и пожелтевшие от времени страницы книги. Куприян сидел молча, чтобы не мешать ей, а Ермил любопытно вытягивал шею, пытаясь рассмотреть книгу.

- Ох, сынок, - вздохнула бабка Захариха, - Видать попусту ты сюда пришёл, нечего мне и подсказать. Эта книга мне от прабабки моей досталась, а до того ей ещё бабка завещала. Да вот только... писано здесь, как корешками да травками людям помогать здоровье сохранить, как болячки какие излечить или облегчить, да как младенчикам помочь на свет Божий родиться. Вот, только что писано, как от упыря скотину на подворье уберечь... да оно вам без надобности. Одно могу сказать вам, ежели и отыщется та вещица, которой опасается Ивар, подобраться к нему будет ой как непросто. Вот в этом может я вам и подмогну маненько. Ивара я знавала ещё в те времена, когда он в выучениках у прежнего Лесного Хозяина бывал. Тот дюже добрый был, блаженным в миру-то слыл, сам говорил, что по обе стороны живёт, и видит такое, что простому человеку ни в жисть не снести. И как уж он, прежний-то, при такой своей прозорливости, червоточину в Иваре не углядел? Кто знает, какой свыше промысел на нас имеется, не нам судить. Так вот, всегда он падок был на лесть и подношения, хоть и журил за это его учитель, дескать, в дар можно брать только то, на что жить, а что свыше – отдавать положено, таков уклад спокон веку сложился для тех, кто на такую стезю согласился и участь сию принял. И когда старик жив был, Ивар тишком с людей мзду малую брал за помощь, а уж опосля смерти того, у кого Ивар в выучениках ходил и вовсе стыд потерял... Кузнеца одного, не тутошнего, пришлого, научил хитрости какой-то, у того от заказов отбоя не стало, вот тут и явился Ивар за платой, а кузнец отказал, плата была не по силам – дочку кузнецову Ивар просил за помощь. Видать кузнец прознал как-то, на что Ивару девчонка нужна была, жертву он готовил великому злу. Ну, отказал и отказал, ушёл Ивар. А через шесть дней половина села сгорела, много народу погибло, и вся семья того кузнеца.

Куприян слушал внимательно старую знахарку и понимал, долгая дорога ему предстоит до того, как смогут они с Иваром сладить. Много дней пройдёт, и это очень плохо, потому что каждый день будет губить Ивар невинные души! Надо поскорее искать ответ на вопрос – как сделать так, чтобы Ивар сам взял то зеркальце, да не просто взял, а ещё в него и поглядел!

- Благодарствуй, матушка, - сказал Куприян, - Ты сама оберегись, не допусти к себе зло, вокруг двора бережный путь я налажу, а ты мне подмогни.

Захариха кивнула, спрятала свою заветную книгу и пошли они все трое управляться во дворе, чтобы никакое зло не могло сюда зайти. Куприян делал то, что ему явилось тут же, а сам не мог из души горечь прогнать. Ведь бабушка Захариха дома сидеть не станет, когда в лес, да в село, помогать роженицам и болящим... не настигло бы её зло в пути!

Когда они с Ермилом шли обратно на постоянный двор, Ермил видимо про то же думал, потому что сперва долго хмурился, а после сказал:

- Завтра надо в путь отправляться, а как тут их оставишь! Поди этот насыдет сразу! Надо с ним сладить поскорее, а для того – вызнать, где он обитает!

- Я-а-а везде-е-е... - выдохнуло прямо над ними, словно бы в воздухе, и тут же закружилась позёмка, взвилась.

- Да уйди ты! – крикнул Ермил, - Никто тебя не боится! Тьфу, погань! И не такое справляли!

Они шли по дороге мимо высокого леса, и теперь зашумели ели, налетел такой ветер, что толстые стволы гнулись чуть не в пояс. Что-то громко и страшно трещало, будто великая сила шла по лесу, раздвигая вековые ели, как траву.

Но тут сизым маревом встала перед путниками стена, едва приметная, но то, что надвигалось к ним от леса, ударило об эту преграду и рассыпалось, разошлось по округе. Сердитый крик разнёсся в вышине:

- Ты пожалееш-ш-шь, Карачайка!

И тут же тих стал зимний день, и светел, как и был. Куприян тронул рукой замёрзший свой нос, и спросил Ермила:

- Чуешь, как стало холодно? И кто нам помог?

- Да...сами мы оберег себе построили, разве нет? – удивился Ермил и подул себе на руки, - Ну и стужа!

- Спасибо, дед Касьян! – крикнул Куприян туда, где только стояло стеной сизое марево, потом повернулся к Ермилу, - Нешто ты не понял, что морозом да стужей дед Касьян ведает, а без этого нет порядка в нашем мире, потому и помог он нам, когда Ивар нас погубить решил. И там, когда повозку нашу перевернул, и потом, в тереме своём спрятал.

- Да неужто сам Трескун? – Ермил вытаращил глаза, а после нахмурился, - А чего ты там мне не сказал! Вот и сиди после того в Лавке-то, всё чутьё растеряешь! Говорил же я тебе – мне надо чаще с тобой выбираться!

- Ну вот, выбрался. Ладно, идём, надо повозку на завтра готовить в дорогу.

- Зато я знаю, чего ты сам и не заметил, - сказал Ермил, прищурившись, - Скажу, ежели честно признаешь после, что того не знал, чего скажу.

Они уже подходили к постоялому двору, ворота снова были открыты, ранние зимние сумерки уже сгущались синими тенями возле леса, и потому ехавшие на ярмарку путники сворачивали на ночлег. Народу было много, Прокофий едва поспевал, Катерина с дочкой тоже были в хлопотах, на лицах была радость – вернулась жизнь и к Катерине, и в хозяйство.

- Ну, говори, - кивнул Куприян помощнику, - Ежели не знаю, так и скажу, душой не покривлю!

- А нет! Лучше покажу тебе, теперь самое время! Идём!

Ермил потащил удивлённого товарища обратно за ворота, чем Куприян недоволен стал, он порядком озяб и ему очень хотелось оказаться теперь в большой комнате постоялого двора, где жарко горит камин и пахнет Катериной стряпнёй.

- Идём, я знаю, вот сейчас и надо! - Ермил упрямо тянул Куприяна вдоль забора, туда, к задним воротам, где они накануне остановили мертвяка, - Я утром сегодня заметил, но не стал тебе говорить, увериться решил, а вот теперь... сам увидишь.

Ермил приоткрыл воротину, которая была не заперта ещё на засов, Прокофий её запирает только на ночь, а теперь только верёвка поверх накинута была, чтоб ворота не распахивались. Попав так во двор, Ермил кивнул Куприяну спрятаться за стоявшей у амбара телегой, сам тоже присел, чтоб не видно его было.

- Что ты придумал? – у Куприяна от холода уже зубы стучали, но тут же он сам себе зажал рот рукой.

От большого дома шёл к амбару Савва, да только какого-то странного вида он был, озираясь, что-то бормотал и одной рукой придерживал то, что было у него за пазухой. Он остановился, огляделся кругом, и убедившись, что его никто не видит, скрылся в амбаре.

- Видишь? – спросил Ермил, горделиво оперевшись рукой в бок, - Теперь скажи, поди ты не ведал, что Прокофия помощничек-то злом промышляет?

- Верно говоришь, того я не ведал, - кивнул Куприян, - Как стал про Ивара думать, так и по сторонам глядеть перестал.

- Это верно, тут немудрено, - сказал довольный Ермил, - А я думаю, он и открыл путь в дом мертвяку, вот что. Умысел имеет, а вот какой? И теперь хочет бережные круги разрушить, все три, чтобы снова зло впустить. Только не выйдет у него, он про гвоздик заветный не знает! А за пазухой у него ворона, я видал, жертва... станет оборот делать! Вот гад!

Они подкрались к дощатой двери амбара, стараясь идти так, чтобы снег под ногами не скрипел, но стоило Куприяну только подумать про это, как тут же снег под ногами стал мягким, нога как будто в туман ступала! Дед Касьян и тут не отказал в помощи!

Куприян приник к щели в двери и стал смотреть внутрь амбара. Сперва ничего не видел, там было темно, но вот блеснул огонёк, это Савва зажёл фонарь. Ермил угадал – Савва достал из-за пазухи ворону, она была живая, трепыхалась изо всех сил, но верёвка крепко держала, и клюв был замотан тряпкой.

Савва расшвырял ногой сено и на земляном полу показались выложенные особым порядком чёрные камни, перемежаемые костями, на которых ещё виднелась красная плоть. Савва швырнул ворону в середину этого круга, камни один за одним стали загораться красным, от них пошёл чёрный чад. Ворона извивалась изо всех сил, пытаясь освободиться, а у Саввы в руке показался кривой, похожий на серп нож.

Куприян протянул руку, нащупывая хоть что-то рядом, сам он глаз не отрывал от щели в двери. Под руку ему попала какая-то палка, он ухватил её и почувствовал, как палка стала горячей в его руке. Глянул – а это черенок метлы, стоявшей тут же у двери.

- Из осины сделан! – обрадованно прошептал Куприян, указав Ермилу на черенок.

Помощник кивнул, сунул руку в карман и достал оттуда горсть соли, которая искрилась синими всполохами, потрескивала и словно чуть даже гудела.

Куприян взялся за щеколду на двери, глянул на Ермила... тот сжал соль в руке, нахмурился, и решительно кивнул, дескать, пошли!

Глава 14.

Дверь в амбар распахнулась, Куприян с Ермилом заскочили внутрь так неожиданно, что Савва попятился, споткнулся о какое-то полено и сел на земляной пол.

- Ч... чего надо?! – заорал он, голос его срывался на визг, нож свой он выронил и теперь зашарил вокруг себя грязными руками.

- Ах ты, прыщ! – Ермил подскочил к Савве и рванул его за шиворот рубахи, подняв на ноги, - А ну, говори, чего удумал!

- Отстань, ты! – зубы Саввы лязгнули, он стал отбиваться, но Ермил держал его крепко.

Куприян сломал об колено черенок метлы, поддел ногой лежащую в начертанном на земле знаке птицу и оттолкнул её к стене амбара. Чёрные камни, выложенные в знаке, погасли, Савва стал сильнее брыкаться, заругался, стал плевать в Ермила и пытался его ударить ногой. Ермил рявкнул на него и крепко приложил Савву по зубам, от такой оплеухи тот отлетел в сторону, ударился о короб и затих.

Куприян вскинул обломок осинового черенка старой метлы, кивнул Ермилу, тот стал сыпать соль по кругу, нарисованному Саввой, крупинки соли вспыхивали и трещали, а чёрные камни скукоживались и начали исходить какой-то зелёной жижей.

Когда круг замкнулся, Куприян воткнул осиновый черенок в самый центр, туда, где раньше лежала ворона. Грохнуло так, что Куприяну показалось, будто крыша амбара приподнялась и снова упала на опору, затрещало кругом, горячая волна вырвалась и прошла по всему двору, и дальше, на дорогу и в лес, и в сторону села, взметая за собой клубы снежной пыли.

Савва очухался, стал оглядываться кругом, сел и зарыдал, вытирая разбитые губы и размазывая по лицу слёзы, кровь и грязь.

- Чего вы натворили, - ревел Савва, - Теперь мне не жить!

- Да и ладно, - сердито проворчал Ермил, - Кому ты нужен, червяк!

Ермил и не глядел на Савву, он подошёл к куче соломы, в которую угодила ворона, поднял её и стал развязывать верёвку. Куприян отряхивал со штанов сennую труху и пыль, поднятую в воздух.

- Ключ ей только не развязывай, - посоветовал он Ермилу, - А то она вместо этого нам задаст!

- Она хоть и птица, - резонно ответил Ермил, - А всё же поумнее этого червяка будет!

И верно, когда Ермил снял с птицы все путы, она и не подумала обижать своего спасителя, а может сил не было у измученной жертвы. Ермил пригладил серые пёрышки и сунул её себе за пазуху:

- Надо отогреть, водицы дать, накормить, да и пусть летит, бедолага, - сказал он ласково, - Хоть и птица, а всё же получше вон этого будет! Слушай, Куприян... он ведь своего замысла не оставит! Раз уж задумал Прокофия и его семейство извести, так и станет вредить! Вон верёвка крепкая висит, давай его свяжем, на речку уволочём, да и в прорубь!

Савва затрясся сильнее, и рыдал уже в голос, он стал что-то бормотать, и жалостно смотреть на Куприяна.

- Не погуби, родимый! Всё, что ни прикажешь, всё сделаю! – рыдал Савва и пытался подползти к Куприяну.

- Не тронь его! – грозно сказал Ермил, - А не то снова в зубы дам! Куприян, я его подержу, а ты вяжи! Этому татю только в прорубе болтаться пристанет!

- Не надо! Прощу! – Савва повалился ниц, а Ермил подмигнул Куприяну, тот только усмехнулся.

- Речку ещё портить, в проруби если, - ответил Куприян, - Надо чего-то другое придумать, а то пойдут бабы бельё полоскать, а там этот болтается, весь синий!

- Ну тогда давай его в лес отведём, подальше от села, да к дереву привяжем, - продолжал Ермил, - Вон какая стужа, он уж к полуночи в колотуху закоченеет, а там волки съедят, делов-то!

- А-а –ай-и-и, - Савва и вовсе дара речи лишился, потом побелел лицом, да и повалился на бок без чувств.

- Ну вот! – огорчился Ермил, - А у меня ещё парочка мыслишек была припасена! Дохляк!

- Ладно тебе, - ответил Куприян, - Поди он не своей волей такое стал делать. Надо сперва выпросить его, а уж после... Ступай, позови Прокофия, а я покараулю, чтоб не сбёг.

- Ну так мы его здорово напугали! Теперь всё расскажет, как миленький, - сказал довольный Ермил, выходя из амбара и поглаживая пригревшуюся у него за пазухой ворону.

Немногим позже Куприян с Ермилом сидели в большой кухне хозяйского дома за выскобленным дочиста дощатым столом. Ворона была посажена в ящик и сидела тихо, видать здорово перепугалась.

Рядом с Куприяном сидел сам хозяин постоянного двора Прокофий, потом брат его, Капитон, он пришёл помогать брату, потому как постояльцев всё прибывало.

На стуле, возле жарко натопленной большой печи, сидел Савва, низко опустив голову. На других он не глядел, и кажется полностью уверился, что теперь уж ничего страшного с ним не сделают. Оттого-то злость сверкала в глазах, хоть он и старался её скрыть.

- За что, Савва? – спросил Прокофий, - Разве я тебя забижал когда? Разве не помог, когда беда к тебе постучалась? Чем я тебя прогневил, что ты чёрное зло стал творить, чуть жену мою не стубил, а если бы не гости мои, то и до всех нас добрался!

- А я говорил тебе, не будет с него толку! – Капитон сердито грохнул по столу огромным кулаком, - Отец евонный бедовым был, сколь раз за воровство бит был, да и сгинул он по этому делу! Откудова в этом хорошему человеку взяться?!

- Дайте воды, - попросил Савва, - И умыться, чего я весь грязный сижу!

- Душа у тебя грязная, грязнее, чем рожа! Так что потерпишь! – рявкнул Капитон, - Завтра к старосте пойдём, пусть сход собирают, пусть люди решат, что с тобой делать!

- Ладно, - Савва поднял голову и зло прищурился, - Говоришь, за что, Прокофий? А помнишь ли ты, что мне ответил, когда я к тебе пришёл Глашу в жёны просить?! Вот этого я тебе никогда не забуду!

- Да ты в уме ли? – удивился Прокофий, - Что я тебе сказал? Что Глаша сама вольна выбрать, кто ей люб, да и молода она ещё, рано ей. Вот скоро заневестится, тогда и станет выбирать!

- Лжец! – закричал Савва, - Ты не отдал её за меня потому, что у меня за душой нет ничего! Потому, что я в батраках у тебя хожу, а ты вон кто – постоялый двор у тебя, конюшня! И отца моего ты знал, за его грехи и меня судите все! А я не такой!

- Ты хуже! – тяжело глядя на своего работника, сказал Прокофий, - Иуда ты! Я тебя пригрел, как родного, и хотел тебя в город отправить, ремеслу учиться. Да ты сам не захотел, а теперь меня попрекаешь!

- Ты, Савва, сколько денег-то взял за то, чтобы такое сотворить на дворе у Прокофия? – спокойно и даже как-то дружелюбно спросил Куприян, но при таких его словах Савва сник и сжался, голову в плечи втянул.

- Ну? Чего это ты скрючился? – спросил Ермил насмешливо, - Только тут за справедливость ратовал, а теперь вот что выходит – продал ты и благодетеля своего, и жену его, что своей рукой тебя кормила, да и Глашу ты тоже продал!

- Глашу я бы никогда!.. Он бы не посмел её тронуть, он мне обещал! – закричал Савва, и снова из глаз его покатались слёзы, - Он денег мне пообещал, столько, что я смог бы свой постоянный двор построить, и Глашу замуж взять...

- Тю! Да ты и верно скудоумок, - присвистнул Ермил, - Ты бы хоть догадался денег вперёд взять! За такое-то дело!

- Я и взял, - буркнул покрасневший до корней волос Савва, - Вон там, в клети, под коробом ларчик...

Капитон поднялся и пошёл в клеть, ларчик оказался там, где указал Савва, его достали и поставили на скамью. Ермил многозначительно глянул на Куприяна, мало ли, что там может быть... Куприян взял из солонки горсточку соли и стал шептать, ежели не победит, так задержит, эти наговоры на соль у него всегда лучше других получались.

- Открывай сам, а не то башкой твоей ларчик сломаю и башку эту заодно размозжу, - погрозил Капитон, и глядя на его кулаки, что две наковальни, было понятно, угрозу он исполнит.

Савва трясущимися руками достал из-за ворота грязной рубахи висевший на верёвочке ключ. По его лицу было видно, как ему не хочется отпирать ларец, жалко было отдавать то, что там было сокрыто. Ведь он сам это заработал, дело он своё справил, как он и обещался, а уж то, что этот мертвяк не смог сладить с Катериной и остальными – так он тут ни при чём!

- Если отопру, хоть половину мне отдадите? – спросил Савва с мольбой в голосе, - Там не только то... что мне ОН дал, я туда жалованье ещё положил, которое ты, Прокофий, мне на прошлой неделе дал. Серебром! А этот мне золото дал... половину золота-то отдайте мне... и я уйду, никогда сюда не вернусь, обещаю.

- Отпирай, Иуда! – закричал Капитон, - Твоё проклятое золото никому не нужно! Поглядеть хотим, за сколько ты душу продал! А после – пусть сход решает! Отпусти тебя – так ты ещё чего умыслишь!

Савва сильнее затрясся. Но Капитон поднял свой кулак, и Савва заторопился, сунул ключ в скважину, отпер крышку ларца... Восемь серебряных монет – как раз та плата, что ему Прокофий уплатил, эти восемь монет и лежали в ларце, почти доверху наполненном козьим навозом.

Глава 15.

Повозка снова катилась по наезженной санной дороге, коники резво перебирали копытами, зимнее морозное утро только занималось над кромкой высокого леса. Куприян сидел на облучке рядом с Ермилом, который держал вожжи и покрикивал, ободряя лошадей.

- Иди в повозку, там тепло, - говорил Ермил товарищу, - И так почитай, всю дорогу ты тут сидел, теперь вот моя очередь. А ты отдохни!

- Да я выспался. Озябну, тогда и полезу в повозку греться, - махнул рукой Куприян, - Слушай, я всё думаю, каков этот Савва... всех продал! И что теперь, вот как сход решит, что с ним будет? Как такого человека исправить!

- Никак. Такая гниль, если уж в душе поселилась, ничем не вытравить, - покачал головой Ермил, - Только вот она и заведёт Савву в такие дебри, что не выберется. Сам себе он такими делами могилу и выроет, вот попомнишь мои слова. И ведь каков – уже попался, а сам всё половину себе пытался выторговать, того золота, за которое всех и продал! Ну вот, всё получил, не половину, а весь ларчик, полнёхонек! Пользуйся, как говорится!

- О, погляди! Никак подружка твоя!

Куприян увидал, как по обочине дороги, там, где ели стояли, задевая вершинами облака, перелетает с ветки на ветку, отрясая с них снежные шали, ворона. Иссиня-чёрные перья перебиваются на солнце, сейчас она уже не была той испуганной птахой, какой они вырвали её из рук Саввы.

- Гляди, не желает с тобой расставаться, - Куприян шутя махнул рукой вороне, уж та вряд ли его слова поймёт, - Эй, красавица! Чего ты там крылышки морозишь, да и устанешь скоро! Мы уж тебя не обидим, коли решила с нами отправиться, так давай в повозку!

Однако тут же Куприян от удивления чуть с облучка не свалился. Ворона подлетела к повозке и уселась на крыше, цепко ухватившись коготками за увязанный тук – это Прокофий с Катериной собрали гостинцы Куприяновым родичам.

- Ты погляди, какая разумница! – удивился Куприян, - Смекалистая! Ну вот, у нас с тобой компания какая!

- Да, смекалистая, - кивнул Ермил, он старался принять вид, что ему мол неудивительно такое поведение птицы, - А меж тем, чему ты дивишься, иные звери да птицы может ещё поумнее человека будут, только сказать ничего не могут. Да и с другой-то стороны... может они и говорить умеют, только такого умения не выказывают!

- А ты видал такое, чтоб зверь или птица говорить умели? – загорелся Куприян, - Ну, может не у нас, а где-то... ты же с Онуфрием много где поди бывал, пути открывал.

- Да не сказать, чтоб и много, - ответил Ермил, - Онуфрий не любил пути открывать, ему по душе другое было, ты и сам знаешь. Больше лавкой заболелся, торговлю вёл, о прибылях радел. После уже, когда семьёй обзавёлся, сынов стал учить, им надел зарабатывать, так тут и вовсе ему эти Пути без надобности. Обережный заслон ставил, конечно, и так дело поставил, что сам только пускал... Ратников, Хранителей, тех, кому надобно было подсказку в книгах найти, вот их и пускал в Лавку, иногда и подношения от них за это брал. А вот как ты с Григорием Белугиным, так не ходил никогда, берёг себя. Вот я, помощник, при нём должен быть, я и был. До половины его роста не добрался, не дал он мне силы... Раньше-то я обижался на него за это, а уж после понял – у него и не было силы, чтобы дело справлять и зло прогонять. Только на защиту и хватало духу!

- Так ты про зверей мне скажи, - напомнил Куприян, - Слышал, чтоб говорили?

- Ну бывало, конечно, хотя и редко. Да и то, это которые навродо Феоктиста, которые не только духом, но и телом на два мира живут. А так, чтоб вот обычные – такого не видал.

К полудню остановились перекусить, заезжать куда-то в село не было нужды, они уже к вечеру будут дома, в Киселёво, там и отдохнут, и отобедают, как положено, а пока, есть чем голод унять – Катерина полную корзину им собрала, и пироги, и мясо варёное, всего есть.

Куприян сидел в повозке, поставив ноги поближе к жаровне, всё же озяб, хоть и сам не заметил. Ермил тоже рукавицы скинул, а руки все красные, замёрзшие.

- Ну, лети уж к нам, чего там замерзать, - позвал Ермил ворону, которая сидела чуть поодаль, - На вот, поешь.

Угощением скрепили дружбу, умная птица и вовсе не боялась своих новых товарищей, и теперь садилась то Куприяну, то Ермилу на плечо. Так и добрались до Киселёво, на этот раз без приключений, вот уже и показались родные Куприяну места. Сердце взволновалось, он стал рассказывать Ермилу и про речку, и про лес, про старую мельницу, на которую они бегали с ребятами... Эх, как давно было, а вроде и недавно!

В доме Рукавишниковых гостей ожидали, уже и беспокоиться начали, когда не приехал Куприян в тот срок, о котором он отписал в письме.

Федот Кузьмич уж было сам собрался поехать, может стряслось что по пути, или вовсе не случилось выехать. Потому, когда в ворота въехала повозка, все в доме обрадовались несказанно. Маруся с Варварушкой, Куприяновы нянюшки, не могли слёз унять, всё обнимали парня, приговаривая, как он возмужал и похудел.

Ермила приняли, как родного, будто и его давно знали и ждали, а вот третья «гостья», которая в повозке прибыла, как только в ворота въехали, тут же с места снялась, да и улетела куда-то, вроде в сад, который за усадьбой Рукавишниковых раскинулся.

- Ты гляди! – усмехнулся этому Ермил, - Видать у неё в Киселёво тоже родня, вот она и решила с нами, так-то всё лучше да надёжнее, а не то ещё какому Савве в лапы попадешь!

- Умная она, ответил Куприян, - Знает, ей место в саду, или у дома где-то, вот и полетела место себе искать. Вот поглядишь, как обратно соберёмся – с нами отправится. Вольная птица, не для неё клетка!

Ну, тут уж пошло – гостей обнимали, угощали, баня была справлена с дороги, как полагається. Куприян рассказывал, как ведёт дела, Федот Кузьмич слушал своего приёмного сына, и одобрительно качал головой. К вечеру, когда за стол ужинать позвали, у Куприяна уже и сил не было, а Ермил и вовсе задремал в комнате, которую ему отвели.

- Да уж отпусти отдохнуть, Федотушка, - сказала мужу матушка Анфиса Дмитриевна, кивнув на клюющего носом Куприяна. – С дороги у него и силушки нет, а ты всё расспросы чинишь.

- И то верно, - спохватился Федот Кузьмич и тронул сына за плечо, - Поди-ко, сынок, ложись, с Богом, отдыхай. Завтра чай наговоримся ещё, ступай.

Куприян пожелал всем доброй ночи, а сам и вправду едва до постели добрался. Тут уж Маруся расстаралась, перину взбила, одеяло пуховое, подушка! Куприян задул свечу и поглядел в окно на сад... как выросли деревья, вроде и поменьше они были, когда он в Торжок-то уезжал, а теперь – вон какие...

Смотрит Куприян, а меж деревьев в саду словно бы проталина какая-то... земля видна, тёмная, травы не видать, да и немудрено - ведь зима... а на проталине старуха стоит, сгорбленная сама, на палку кривую опирается... И так хорошо её видать в свете месяца, шаль на голове старая, уже кое-где и моль побилла, фартук поверх серой юбки, душегрея тоже истёртая вся. Стоит этак-то на проталине, положила жилистые руки на палку, подбородок поверх, да и глядит в окно на Куприяна, шепчет что-то... а после рукой повела. Указала куда-то, вроде в сторону мельницы старой... Пока Куприян туда глядел – пропала старуха, и проталина пропала, как и не было! Снег лежит пышным покрывалом, как взбитая заботливыми Марусиными руками перина для Куприяна.

Вздрыгнул Куприян, и обнаружил, что сам он у окна сидит на стуле, как сел на сад поглядеть, да и заснул, положив руки на подоконник! Вот тебе и старуха на проталине – заснул, да и вот, приснилось с устатку!

Поднялся Куприян, ноги все отсидел, да и повалился на перину, теперь уж спать до утра, отсыпаться. А завтра поглядит, что там в саду, и что на мельнице старой, сто лет уж пустая стоит, обветшала вся. Чего там может быть? Вороны если только...

Глава 16.

Утром Куприян проснулся отдохнувшим и полным сил. Дом наполнял аромат Варвариных плюшек с маком, Куприян снова натянул на себя одеяло и закрыл глаза, снова представляя себя маленьким... Вот сейчас войдёт Маруся, тихонько приоткроет занавешенное окно, потом поглядит мальчишку по непослушным вихрам и скажет:

- Просыпайся, воробушек, скоро матушка завтракать позовёт!

Но вместо Маруси в комнату заглянул Ермил и негромко позвал:

- Куприян, спишь?

- Нет, проснулся уже, - отозвался парень и нехотя откинул одеяло, - Ты чего так рано поднялся?

- Так я вчера заснул раньше всех, вот утром и проснулся затемно. Пошёл в кухню, стал Варваре Фоминичне помогать. Слушай, сон мне приснился...

- Про старушку в шали, с палкой? – усмехнулся Куприян, он уже знал ответ.

- Да, - удивился Ермил, - А что, и тебе такое виделось? А хотя, что и удивительного!

Позвали завтракать, и матушка Анфиса Дмитриевна тоже ласково пожурила их, что, мол, рано поднялись без надобности, а Федот Кузьмич напротив похвалил:

- Это хорошо, что не заспались! Ты, друг Ермил, отдохни покуда, а мы с Куприяном поедим к соседям, поможет мне дело справиться, да и поглядит окрест. Аристарх Локтев, сосед наш, зовёт дело обговорить, мы с ним артелью напололам ведаем, вот и Куприян пусть поглядит, что да как.

Куприян отца послушаться не смел, собрался в дорогу, хоть и ехать недалеко. Сперва-то он хотел пойти до реки, мимо старой мельницы пройтись, так хоть, поглядеть, что там... Да видать в другой раз.

Старый Авдей, который у Рукавишниковых конюшней заведовал, вывел крепкого рыжего мерина, запряженного в лёгкие сани, на двоих, седоки уселись и отправились в путь. Авдей погонял, укатанный санный путь летел навстречу, взметалась позёмка, солнечное утро рассыпало снежные искры и веселило сердце.

- А что, Куприян, нешто невесту в Торжке не приглядел себе? – ласково поглядывая на сына, спросил Федот Кузьмич.

- Нет, батюшка, не приглядел, - Куприяновы щёки, и без того разрумяненные морозцем, залились краской ещё сильнее, - Больше всё с Лавкой были заботы. Товар выбирать учился, да так, разное...

- Оно и понятно, дело незнакомое да нежданное. А что, нравится тебе, али может чего иного сердце просит?

- Нет, батюшка, иного не желаю! Всё нравится.

- Я гляжу, ты и помощника себе толкового нашёл, смекалистого. Ну, вот и ладно. Теперь вот едем к Локтевым, про артелью поговорим, да ещё кое-какие дела обсудим, а там за обедом и о прочем поговорим, какие у нас тут новости узнаешь. Да и на Настеньку поглядишь...

- На Настеньку? Это...

- Дочка Аристарха, меньшая самая. Да ты её поди помнишь, раньше она всё с матерью к нам ездила, к нашей Елизавете. А вот теперь заневестилась, Аристарх детей не баловал, и дочку всему, что надобно выучил. Говорил мне, что поёт хорошо Настасья у них, даже с Уезду учителя звали, тот раз в неделю приезжал учить-то.

- Батюшка! – у Куприяна вся краска от щёк отлила, аж побледнел, - Нешто ты с Локтевым уж уговорился... сватать за меня Настю станешь?

Ничего не боялся Куприян, ни разу не тронул его душу страх, ни перед пастью бейсойя, ни перед тем, кто себя нарёк Тёмным Князем, ни перед многими страхами, что являлись ему на Перепутьях, а вот теперь...

Такой страх, даже ужас, заполонил всё внутри, хоть из саней прыгай да в лес беги... Куприян во все глаза смотрел на отца, а тот даже рассмеялся, увидев бледное Куприяново лицо.

- Нет, что ты! Нешто я разуменья не имею! Ни одного из своих детей я не неволил, всех своим желаньем оженил да замуж отдал. Вот ты у меня только остался, и не страшись, принуждать не стану. В гости едем, а уж заодно и поглядишь на девушку, а ну как глянется. Обещаю тебе, не стану и заговаривать больше, ежели не по нраву девица придётся. Уговор?

- Уговор, - улыбнулся Куприян и вытер вспотевшее лицо.

В усадьбе Локтевых их приняли, как дорогих гостей. Федот Кузьмич достал из саней гостинцы, Авдей увёл рыжего мерина во двор, а с крыльца им навстречу уже шёл хозяин дома, Аристарх Иванович Локтев.

Это был мужчина средних лет, богатырского сложения, так, что даже статный Куприян по сравнению с ним показался маловат.

- Здравствуйте, гости дорогие! – гудел басом Аристарх, - Ох, Куприян, ты гляди, какой стал! А вот вроде и недавно ещё на речку босиком с моим Ваняткой бегал! Ваня-то наш к Рождеству обещался приехать, вот бы вам увидеться!

Куприян товарища своего помнил, Ванька Локтев закадычным другом его был, почитай всю округу вместе излазили, все синяки да шишки пополам делили. Отец Вани, этот самый Аристарх Иваныч, среди прочего своего имущества скотобойней владел в соседнем селе, скотину тоже разводил, с того хорошую прибыль имел. После уж и магазин в Твери открыл, старшего сына туда приставил, а сам снова в усадьбу вернулся, хозяйство крепкой руки требует.

Пока суть-дело, показал Аристарх своему соседу и другу новую конюшню, скоро уже достроят, прочие обновления в хозяйстве, а Куприян и разговоры старших слушал в пол уха, всё ему отцовы слова про Настю покоя не давали. Скоро и обедать позовут, вот тогда не оплошать бы от смущения-то...

Перед обедом, в ожидании, когда позовут к столу, сидели они трое в просторном кабинете хозяина, тут уж и Куприяна расспросил Аристарх, как-де идут у него торговые дела в Лавке. Одобрительно кивал, слушая Куприянов рассказ.

- Ну, Федот, всех своих детей ты в люди вывел! Все разумные, да при деле, нечего сказать! Сердце ведь родительское, оно такое, завсегда беспокоиться будет, а всё же так-то и ему благостно, когда всё ладно идёт. А вот у нас тут по осени началось такое, от чего я уж сколь месяцев не сплю спокойно!

Завздохал Аристарх Иваныч, нахмурил кустистые брови, стал по столу постукивать пальцами да в окно глядеть, где уже начали синеть ранние зимние сумерки.

- Что такое, Аристарх? Нешто беда какая? –спросил с заботой Федот Рукавишников, - Может помощь какая нужна, так мы завсегда...

- Как сказать, Федот, чем тут поможешь, когда не знаешь, откуда и беды ждать. В эту осень стадо хорошее у меня вышло, хорошую прибыль дела сулили, да какая беда пришла – кто бы знал. Стал кто-то стадо резать, сперва думали – волки, ан нет, охотника зареченского звали, так тот с товарищами всю округу исходил, нет ни следа стаи-то. Одиночки, кого нашли, так те и сами от сих местов уходят, след только оставили. Да и не похоже на волков...

- Так может медведь, - предположил Федот, - Пятого году, сам помнишь, как было у нас тут! Пока не отыскали его, людоеда!

- Нет, не медведь это. И сказать страшно, чего я видал, когда с мужиками ходил глядеть... Пришлось после того стадо раньше времени на убой пускать, пока всё не потерял, вот как! С каждым разом всё больше и больше, то три головы, после уж пять, а после и дюжину... Задёшево отдал, лишь бы сохранить, да и то, слухи пошли нехорошие, покупатель цену сбил.

Едва своё покрыв, прибыли вовсе мало пришлось. И знаешь... боюсь я, как бы теперь на людей не перешло... скотину-то мою не рвали, не резали, кровь будто всю выпускали, и ни следа, ни капли на земле, словно... выпили... Уж не упырь ли у нас объявился? Да и не один, судя по всему!

- Да ну, может народ чего придумал, бабкины сказки! – махнул рукой Федот, - А о прибыли не тужи, год на год не приходится, завсегда так-то бывало.

- Да не о прибыли забота моя, - вздохнул Аристарх, но дальше говорить про это не стал, пришла служанка и спросила, время ли подавать обед.

Перед обедом хозяйская дочка, та самая Настя, смущаясь и краснея, по наставлению матушки развлекала гостей пением. Куприян ничего, терпел, улыбался даже. А вот Федот Кузьмич не удержался, да ухо одно рукой прикрыл, незаметно так, чтоб девушку не обидеть.

В обратную дорогу пустились, когда уже стемнело. Авдей зажгёт фонарь и сильно мерина не погонял, мороз чуть попустил, и дорога была приятная, да и ехать недалеко.

Куприян всё думал про то, что рассказал Аристарх Иванович, а отец его видать про своё думал. Потому что когда уже к дому подъезжали, сказал:

- Нет, Куприян, чего хочешь говори, а учитель-то уездный никчёмный видать был. Лучше б Настасью рисовать обучили, что ли...

Куприян усмехнулся и понял – сватовство ему не грозит. Оно и хорошо, Настя хоть и была собой недурна, и даже улыбнулась Куприяну два раза, когда маменька ей в бок ткнула... Не дрогнуло внутри у Куприяна, видать не его это судьба. Да и иные мысли теперь его занимали!

Глава 17.

- Морозно нынче, какие могут быть прогулки, да ещё пешими, - сетовала матушка Анфиса Дмитриевна, глядя, как собираются Куприян с Ермилом прогуляться по окрестностям, - Пусть Авдей вам коляску приготовит, прокатитесь, ноги не морозьте...

- Матушка, ты не беспокой себя, мы тепло одеты, да и далеко не станем ходить, - сказал Куприян, - Хочу Ермилу показать Киселёво наше, до церкви ходим, и на мост. К обеду уже и вернёмся. В кузню заглянем, там старый-то Данилыч ещё жив? Ну вот, повидая его, как поживает. Я ему привёз гостинец.

- Ну ладно, - смягчилась Анфиса Дмитриевна, - Коли так, подите, Егор-то Данилыч давеча болел, доктора звали, сейчас вроде ничего, оправился, только ведь уж не молод.

Солнечный морозный день искрился на снегу, расцветчивал белый покров разноцветными блёстками, ветви кустов и деревьев оделись белой бахромой. Вокруг стояла звенящая тишина, ни единая веточка не шевелилась от дуновения даже лёгкого ветерка.

Киселёво раскинулось по берегу небольшой речушки, улицы с аккуратными домиками протянулись вдоль берега. На пригорке, за старым погостом, возвышалась церковь, купола её сейчас горели на солнце, словно бы и сами были маленькими солнышками над пригорком.

Через речку перекинулся мосток, теперь он желтел свежими брёвнами, чуть занесёнными снегом, видать по осени мосток подновили.

Усадьба Рукавишниковых стояла как раз под холмом, дальше от неё простирался луг, а за ним, на открытом всем ветрам просторе и стояла старая заброшенная ветряная мельница. Её крылья обветшали и зияли теперь дырами на потемневших жердях. Но стены ещё держались, сработанные мастерами на совесть, а широкая дверь, в которую раньше мог войти и воз с зерном, теперь зияла чёрной дырой, изнутри заваленной досками.

- И чего её забросили, - пожал плечами Ермил, указывая на мельницу, - Место какое хорошее, поди раньше хорошо дело шло. Дорога большая недалеко, не тряско с зерном да мукой добираться.

- Так теперь в Архангельское ездят молоть, там большая мельница, какой-то то ли немец, то ли голландец придумал, - ответил Куприян, - Батюшка говорил, что по реке для той мельницы большие механизмы везли на барже, тянули по мелководью, потом на подводах. А старую давно, ещё до моего рождения бросили, мы с Ванькой Локтевым там много времени проводили, на крышу забирались по крыльям, высоко, страшно, да зато далеко всё видать, и село, и дорогу на Архангельское.

Обошли село по краю, по-за околице, мимо высокого бора, стеной стоявшего до торной дороги на большое село Архангельское, и дальше. Поднялись на пригорок и остановились возле церкви, Куприян помнил, как на её колокольню всем селом поднимали новый колокол... то ли сам он был тогда мал, потому что колокольня тогда ему казалась высокой, до самого неба... А теперь обычная, в Торжке повыше будут. И всё же эта – самая красивая!

Навстречу им из калитки вышел местный батюшка, обширный и немного неповоротливый отец Кондратий в чуть засаленной на круглом животе рясе.

- А, Куприян Федотыч, доброго здравия! – прогудел отец Кондратий таким голосом, что с ближайшего куста вспорхнула стайка воробьёв, - Прибыли родителей проведать? Это вы молодец, похвально, похвально! Приходите в воскресенье на службу. И друга своего приводите.

- Благодарствуйте, отец Кондратий, - отозвался Куприян, - Да, приехал погостить, а вот товарищ мой, Ермил, приехал поглядеть наши места.

Ермил поздоровался, и тут Куприян приметил, что его товарищ разглядывает что-то на стоявшей рядом высокой сосне. И тут, прямо на глазах у отца Кондратия, с сосны слетела

красивая упитанная черная птица. Усевшись на подставленное Ермилом плечо, она принялась разглядывать присутствующих, наклоня голову то в одну сторону, то в другую.

- Свят, свят! – пробормотал отец Кондратий, осеня себя крестом, потом смутился, глянув на сдерживающего смех Ермила.

- Как это вы этакое к рукам-то приучили, - ворчливо спросил он, глядя с укоризной на Куприяна, - Тьфу!

- Почему же «тьфу», отче? И она есть Божье создание, - назидательно изрёк Ермил, - Всех нас одна рука создавала, так чем она хуже нас будет!

- Нам пора! – заторопился Куприян, пока беседа не приняла совершенно щекотливый оборот, - Хочу до кузни дойти, Данилыча проведать.

- Ступайте с Богом! – прогудел нараспев батюшка и снова покосился на Ермила с вороной на плече.

Покатились с пригорка Куприян с Ермилом, вниз-то как легко идти, Ермил ехидно ухмылялся, ворона сидела у него на плече, вцепившись коготками в кожу.

- Ну ты даёшь, - Куприян пытался выглядеть построже, но ему было потешно, как всё вышло, - Напугал батюшку с подружкой своей, теперь толки по селу пойдут.

- Да ладно тебе, - махнул рукой Ермил, - Зато теперь будет, про что поговорить, да и молитва станет истовее. Только польза от такого!

Старая кузня стояла у самой реки, чуть дальше от моста. К ней вела наезженная дорога, видать у старого Данилыча не переводилась работа. Оно и понятно, работа старого кузнеца ценилась в округе.

Рядом с кузней стояла и изба, сколько себя помнил Куприян, кузнец в ней и жил. Матушка Анфиса Дмитриевна говорила, что овдовел Егор Данилыч рано, жена его умерла родами, ребёночек тоже не увидел свет. С того времени Данилыч не женился больше, так и жил один, справлял своё дело, на праздники ходил в церковь и пел в клиросе. Хоть некоторые старухи и говаривали про него, что ковать такие диковинные вещицы ему помогает нечистый, не иначе, но отец Кондратий за такие пересуды шибко бранился и обещал наказать болтушек.

А местная ребятня кузню обожала, и когда бы не налетели они к Данилычу, тот их не гонял, даже если и делом был занят. Пускал поглядеть, и помочь раздуть огонь, а тем, кто покрепче, даже молот небольшой позволял брать. Куприян сам много раз такой чести удостаивался, а однажды даже помогал кузнецу ковать серп.

Позже стал Данилыч брать себе в выученики то одного, то другого, но всё как-то не задерживались у него парни. По его словам, никто старания к обучению не являл, а которые потолковее – тех родители ремеслу отдавали учиться в уезд или ещё куда. Так и справлялся пока сам, с временными помощниками.

Сейчас в кузне не гудел огонь, не слышно было голоса молота и наковальни, только лёгкий дымок поднимался над соломенной крышей кузни, на которую даже снежная шапка никогда не ложилась.

Ворона, сидевшая у Ермила на плече, перебралась на стоявшую возле кузни берёзу, видать уселась ждать своих спасителей, которые уже входили внутрь.

- Сегодня только подковы могу поменять, - сказал стоявший возле верстака кузнец, не оборачиваясь на вошедших, - На будущей неделе стану остальное делать, тогда и приходите.

- Здрав будь, Егор Данилыч, - приветливо сказал Куприян, - Да мы не за работой пришли, навестить тебя!

- Никак ты, Куприян? Здравствуй, здравствуй, друг дорогой! – прищурился обернувшийся на голос кузнец, - Ишь, вымахал какой! А ну, дай на тебя погляжу! Ну крепок ты, брат, и ростом, и статью вышел! А это кто с тобой?

- А это товарищ мой, Ермил, - представил друга Куприян, и Ермил протянул рослому кузнецу руку, крякнув от крепкого рукопожатия.

- Ну, гости дорогие, идёмте в дом, чего тут в кузне-то торчать! Там и чаю наладим, и поговорим!

Вскоре они все уже сидели за столом в просторном доме кузнеца, тот его для семьи большой строил, а вот как вышло, один остался, так и жизнь живёт. Посреди стола пыхтел самовар, большая чашка с мёдом благоухала ароматом леса и луга. Поговорили про дела, про доставшуюся Куприяну в нечаянное наследство Книжную Лавку, и про городскую жизнь вообще.

Кузнец про свои дела говорил мало, да и что тут рассказывать, когда Куприян тут и сам всё знал, а с того времени, как он в Торжок уехал, ничего здесь и не менялось.

Только чем дольше Куприян говорил с Данилычем, тем сильнее хмурился, что-то не весел был кузнец, лицо бледное, а в глазах – забота и потаённый страх.

- Что, Егор Данилыч, так себе помощника толкового и не отыскал? – спросил Куприян и тут же понял, в точку попал. . .

- Да как сказать... нашёл, да вот беда пришла, какую не ждали! – и так тяжело вздохнул кузнец, что Куприян с Ермилом невольно переглянулись.

- Ты, Егор Данилыч, от нас не таись, расскажи, - сказал ласково Куприян, - Коли беда какая приключилась, всяко всем-то вместе с нею проще будет сладить.

- Коли скажу, так поди и не поверите мне, - вздохнул кузнец, - Ладно... покажу вам, может и в самом деле, чего присоветуете. Только глядите – никому! Идёмте!

Кузнец накинул кожух, достал из-за печки кованный большой ключ и повёл своих гостей обратно в кузню. Куприян с Ермилом шли молча, ничего не спрашивали, кузнец сам рассказывал:

- Помощник мне нашёлся, Гордеем звать. Парень крепкий да смекалистый, руки да голова на месте, дело у нас хорошо шло. Одна у него была забава – в лес на охоту хаживал, да по осени ушёл и не вернулся. Уже заморозки крепкие пошли тогда, но снега ещё не легло, я два дня его ждал, а после сам искать пошёл. Отец мой следопытом был, на всю округу славился, вот я его выучку и вспомнил. Нашёл я Гордея, в яме волчьей он сидел, да вот только...

Егор Данилыч затворил дверь кузни, засов задвинул, и только после этого взялся за тяжёлую дверь в полу, Куприян знал, раньше там кузнец хранил всякое – инструмент, когда и уголь, и прочее разное. Теперь же оттуда раздавался жуткий, не человеческий, но и не звериный вой...

Глава 18.

Ермил вытарашил глаза, а Куприяна передёрнуло от той картины, которую они увидели в открывшемся в полу проёме. Два красных глаза уставились на них из темноты, вой стих, стал похож на нечленораздельную человеческую речь, и Куприян склонился ниже, пытаясь рассмотреть того, кто сидел в подполе у кузнеца.

- Не нужно! Ближе туда не лезь! – остановил его кузнец, - Я в первый раз тоже чуть было не попался.

- Он что-то пытается сказать, - неуверенно сказал Куприян, - Может расскажет, что с ним стряслось!

- Не скажет. И только сунься поближе, вцепится в горло, не оторвать, пока сам дух не испустишь. Кобель у меня был... здоровенный, а тоже с этим не справился, я прикладом отбил было, да тот тут же издох. Я на всякий случай это... посеребрённую пулю, потому что кобель-то хоть и издох, а... рассказывать страшно, лежит мёртвый пёс и зубами клацает, как живой. Вот что други, вам скажу! Страшное завелось в наших краях, и где его корень – поди знай!

- Так и этого бы серебром в сердце надо, - покачал головой Ермил, отодвигаясь подальше от подпола, - А ну как вырвется? Это видать он у Аристарха чуть не половину стада порезал!

- Нет, это не он, - покачал головой Данилыч, закрывая подпол, - Гордейка в лес ушёл уже после того, как Аристарх стадо на мясо пустил и продал. Это кто-то до него...

- Ты что же, хочешь сказать, что по округе ещё кто-то бродит? Такой же, как этот! Данилыч, а если этот выберется? – Ермил покачал головой.

- Не выберется. Я тут серебра положил, как бабка учила... крестами запечатал, от них Гордейка в угол забивается. Вы поймите, ведь живая душа... человеческая! Я батьку Гордейкиного знавал, друзьями мы были, с детства вместе. А вон как вышло, сына его я и не уберёг! Куприян... слышал я, ты уж не спрашивай, от кого, что знания тебе даны. Помогите, прошу! Всё, что ни попросите, я для вас обоих сделаю, только помогите! Я-то сам уж старый, пожил своё, а Гордейка – парень молодой, ему бы и жить! Старательный, рукастый, нраву доброго да весёлого! Не могу я...

Голос Данилыча дрогнул, он опустил голову и стал смотреть на крышку подпола, под которой Гордей скребся и тихо подвывал.

- Ты, Егор Данилыч, погоди отчаиваться, - сказал Куприян, - Дело это серьёзное, но мы сладим, я уверен. Все вместе обмозгуем и сладим. А пока вот что, дай-ка мне топорик.

Данилыч дал им по новенькому топору, сам остался в кузне, заперев ворота, чтоб никто не ходил из сельчан. А Куприян с Ермилом отправились в лесок, нарубить осины, она вместе с серебряными берегами, что сам кузнец поставил, сдержит Гордея, и успокоит того, кто в нём поселился.

- А мы пока подумаем, как с такой напастью сладить, - сказал Куприян, шагая по сугробам в сторону осинника, - Как думаешь, Ермил, чего это за напасть такая?

- Эх, вот бы нам в нашей Лавке побывать, чай там и нашли бы подсказку, - вздохнул Ермил, - Как бы дело справить, чтоб Гордея избавить да ему самому не навредить. Баяк-то много про упырей ходит, и как с ними справиться – тоже в каждой деревне знают. Только вот... нам то другое надобно, чтоб парня сохранить...

Куприян тоже задумался, байки про упырей, и он сам в детстве слышал, старый садовник Рукавишниковых Пётр Фомич, ныне уж покойный, любил ими развлечь вечерком пугливую Марусю и набожную Варвару, которые за такие присказки садовника хоть и ругали, а обе слушали, замерев.

Только вот заканчивались все садовниковы байки страшно – упырю отрубали голову и так хоронили, или такое прочее, но им это неподходяще было. Нужно найти другое средство, которое оставит Гордея в живых.

- А вот ещё что, - говорил Ермил, шагая по снегу вслед за Куприяном, - Кто же такое сотворил с Гордеем?

- Да известно кто, тут и гадать нечего, - присматривая осину посправнее, сказал Куприян, - Иваркины это проделки. Я читал, когда ещё мы Дивьи свитки хранили, когда ищет кто-то, как оживить умершего человека и вернуть его в этот мир, он девять кругов повернёт и будет это страшными деяниями для прочих людей оборачиваться, болезни и мор принесёт, прочие напасти. Потому что пока дойдёт он до того, чтоб открылось ему то, где Души умерших пребывают, станет он страшную цену оплачивать тому, кто ему такие знания посулит. Посулить-то посулит, да вот получит плату и обманет. Придёт в мир этот такое, с чем и всем вместе не сладить... Ивар хочет Марью вернуть, вот и платит цену, не скупясь...

Зашумело кругом, словно лес отозвался на Куприяновы слова, с ветвей высоких елей полетели снежные шапки, ветер швырял снег в лицо, Ермил отплёвывался, сгребая в кучку нарубленные осиновые ветки.

- Ишь, не нравится! – ворчал он, отмахиваясь от поднявшейся снежной пурги, - Не грозись, и до тебя доберёмся!

Вернулись в кузню, когда уже чуть присмеркалось, Данилыч позвал в дом обедать, но Куприян решил сперва дело справить. Ермил стал вязать из осиновых веток круги, внутри складывая их крестом, Куприян над каждым шептал незнакомые Данилычу слова.

Семь обережных осиновых кругов сделали и обложили ими дверь в подпол, после открыли крышку, держа наготове топор. Внизу было тихо, ни воя, ни сиплого хрипа с причмокиванием не было слышно...

Данилыч опустил фонарь ниже, осветив просторный подпол, где в углу лежали мешки. На них сидел Гордей, чуть заслоняясь от света фонаря рукой, но глаза его не горели больше красным, хоть и был он сам белее полотна.

- Дайте чего поесть, - глухо сказал он, не глядя на стоящих у крышки подпола, - И закрывайте обратно, неладно со мной чего-то... А ежели снова начнётся, тогда... убейте. Не хочу такого... Данилыч, слышишь? Убей сразу!

Спустили вниз хлеба и воды, потом закрыли крышку, придавив тяжёлым ящиком, только после этого ушли в дом, заперевав кузню на засов.

- Может к старой Анисье сходить? Она травы ведаёт, в лес бывает на неделю уходит, а то и больше. Отец Кондратий журит её за то, да только куда без неё-то на селе, она чай получше лекаря некоторые болячки лечит, - говорил Данилыч, - Может и тут чего присоветует. Только не видать её что-то в последнее-то время. Может захворала? И мне не отлучиться, не оставишь же кузню-то...

- Завтра с утра я сам схожу, - сказал Куприян, - А ты, Данилыч, не тужи, раз все разом взялись, справимся.

Обратно шли по дороге через село, звёзды уже застилали небо ясным ковром, из-за леса показался острый рожок серебряного месяца, тихо было кругом. Над крышами домов белыми струйками поднимался дымок, благодать, да и только.

Куприян с Ермилом уже подходили к усадьбе Рукавишниковых, когда пронёсся за селом вой, от которого вскинулись лаять и скулить от страха чуть не все киселёвские собаки.

- Ишь чего, - проворчал Ермил, - Ладно... Куприян, а чего про Анисью-то эту тут говорят?

- Да разное говорят, после расскажу. Ты дома не говори про это, не пугай домашних.

А дома их ждало новое известие, потому и ждали Куприяна с Ермилом с беспокойством и нетерпением, как бы с ними чего не стряслось. А весть принесла Маруся, которая ходила

в местную лавку, да быстро назад прибежала, белая вся, запыхавшаяся, и сообщила, о чём говорят перепуганные сельчане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.